

О школьном обществе эфиопов, полетах на планере, начале войны, обучении в Академии химзащиты и гефангенском юморе

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1478>

31 октября 2012

Собеседник

Влодавец Игорь Николаевич

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 31 октября 2012 и опубликована 24 октября 2014.

Введение

Третья беседа со специалистом по физической и коллоидной химии Игорем Николаевичем Влодавцом посвящена второй половине 1930-х годов и началу войны — времени его учебы в старших классах школы и на химическом факультете МГУ.

Игорь Николаевич удивительно подробно описывает события далекой юности, детские увлечения, друзей, учебу. В его рассказах — истории про арест соседа по дому, про проработку членов детского «Общества эфиопов» на классном собрании, про занятия планерным спортом и встречу с Л.М. Кагановичем, посетившим одну из тренировок планеристов, про занятия танцами, ставшими популярными якобы после встречи К.Е. Ворошилова с делегацией французских офицеров. Влодавец вспоминает, как выбирал между поэзией и наукой и о том, как проявился в нем интерес к его будущей специальности.

Вторая часть интервью посвящена началу войны. К этому времени Игорь Николаевич получил уже обычный для многих своих сверстников объем военной подготовки — он летал на планере, прыгал с парашютом — и поэтому сразу записался добровольцем. Отказавшись идти в специальное диверсионное подразделение, он попал в «истребительный батальон», в составе которого патрулировал город, тушил зажигательные бомбы, караулил университетские здания.

В конце беседы Игорь Николаевич доходит до рассказа о своем призыве на регулярную службу и начале учебы в Академии химической защиты.

Николай Александрович Формозов: В прошлый раз мы остановились на рассказе о том, как ваш друг создал Общество эфиопов в вашем классе — это был девятый класс московской школы.

Игорь Николаевич Влодавец: Собственно говоря, мы вместе создавали... Это не общество, а, подражая герою Льва Кассиля, мы организовали вместо Швамбрании...Решили составить карту класса. И там появились...

Н.Ф.: Страны, разные страны.

И.В.: ...разные страны, и эфиопы были, какие-то еще, вот ясно помню: сестры-славяне. Еще кто?.. Был еще Петя Полянский у нас — наш приятель, нас трое было, эфиопов так называемых. Но явился комсорг наш, которому сделали замечание: у вас там организации странные, какие-то эфиопы появились. Значит, вынужден был организовать собрание классное. Приехала Шура Кимергалина, которая сидела скромно и вроде как только слушала. Но просила нас объяснить, кто такие эфиопы. Мы охотно объяснили. Мы все трое встали (это общее собрание), продекламировали гимн эфиопов (*смеясь*): «Эфиопская честь как алмаз дорога, эфиопская месть настигает врага!» И так далее. У нас было распределение обязанностей. Я, в частности, был министром авиации в этой Эфиопии. Почему? Надо было сказать раньше: когда мы жили в Ленинграде и одно время жили на даче, мы лето проводили в Дудергофе, в окрестностях впоследствии знаменитой Вороньей горы, а между Вороньей горой и Кирхгофом была возвышенность, на которой кирха стояла — там финны в основном жили — Ингерманландия. И на этой равнине, под этими горами летом упражнялись осоавиахимовские планеристы. И мы, ребята, с большим интересом наблюдали за их занятиями. Там были и молодые люди, и девушки. Одна из них, помню, некая Гусева, отличный учлет, она очень старательно занималась и говорила, что хочет после окончания планерной осоавиахимовской школы сделаться летчиком-истребителем. Тогда была кампания: «Молодежь — на самолет!» Это были, наверное, год так 33–32-й.

Н.Ф.: А вы не знаете судьбу этой Гусевой, ей удалось стать летчиком-истребителем?

И.В.: Нет. Возможно удалось, но я не знаю. Мы уехали в 34-м году из Ленинграда, и больше я туда... Один раз навещал этот самый Дудергоф, но там уже ничего этого не было. А дело в том, что в Ленинграде в 35-м году Наркомзем, шеф нашей школы, объявил желающим прием тоже в школу планеристов.

Н.Ф.: Ага.

И.В.: Ну и, поскольку еще у меня в памяти было свежо, как я наблюдал за полетами планеров в Дудергофе, а тут была возможность самому полетать на планере, я туда записался. По-моему, из нашего класса я был единственный планерист.

Занятия у нас проводились по выходным дням. По выходным дням мы ездили, это в районе Крылатского, как раз то место, где теперь Гребной канал. Сначала мы упражнялись, первое упражнение было — балансир. Планер балансирует — его ставят на пригорке, ветер дует на него, сам он привязан, а ты сидишь и ручкой стараешься выровнять его, чтобы крылья были в горизонтальном положении. Следующее упражнение — пробежка. Пробежка по земле, или, может быть, слегка подлетывая на метр, но по горизонтали. Потом можно было уже брать ручку на себя и немножко подлетать. Вот такие упражнения.

К сожалению, это все дело шло хорошо до зимы. Это была осень 35-го года. Однажды нас там за этими упражнениями застал Лазарь Моисеевич Каганович, которому туркменские конники, организовавшие некий пробег Ашхабад—Москва, подарили рысака. Для моциона, по-видимому... В общем, в том районе есть место, где наши начальники обитали. И вот однажды на конной прогулке Каганович и сопровождавшие его товарищи, тоже на конях, подъехали к планеристам и стали их интервьюировать. У нас инструктор был такой Скорик, по-моему, из управления механизации Наркомзема...

Н.Ф.: А как имя-отчество его было?

И.В.: Не помню... Фамилия Скорик — это точно помню. Он немножко смухлевал... Техника планеризма

такая: один учлет садится за планер, остальные участники берут концы амортизатора так называемого — это резиновый канат, состоящий из тонких резиновых ниточек. По команде мы натягиваем амортизатор, в это время планер остается закрепленным на месте. Затем, по команде инструктора, учлет специальной рукояткой освобождает планер, и амортизатор, как рогатка, его выстреливает, и он пробегает вперед. Ну, а затем можно взять ручку на себя, и он подлетает. Пока это было на равнине, потом предполагалось, что мы будем уже с горки, потом предполагалось, что должны будем использовать восходящие потоки воздуха, которые на склонах холмов образуются, и там можно восьмерки делать, парить. Но до дальнейших стадий мы так и не дошли, потому что наступила зима, и натягивать тросы в калошах, допустим, по мокрому снегу, каждый день, — довольно неприятное занятие. И малоэффективное...

” **Еще Каганович отметил: «Что ж это у вас тут все вручную делается? Наверное, нужно как-нибудь механизировать было».**

Н.Ф.: Катапультировать прямо! Да. А разговор? Вы сказали, что немного смухлевал Ваш тренер перед...

И.В.: Тренер смухлевал: он посадил своего второго инструктора вместо учлета, чтобы Кагановичу показать, так сказать, товар лицом. Тот-то умеет как следует, а мы постоянно ошибались: не так этой рукояткой оперировали, могли, в общем, неприятности какие-то ждать. В основном-то там были наркомзёмовцы, но и школьники. Мы вот — школьники, восьмой класс... Или нет, это уже был, наверное, девятый. Да. Старшие классы. Это конец 35-го года. Девятый класс.

Н.Ф.: Да, и...

И.В.: Вот поэтому я был министром авиации в нашей Эфиопии. (*Смеясь.*) Я уже забыл, какие-то там еще были у нас министерства. Во всяком случае, мы все это чистосердечно рассказали, показали и карту этой Эфиопии, чтобы этой Шуре Кимергалиной было понятно, что это не что иное как запоздалая игрушка для уже почти взрослых старшеклассников. (*Смеясь.*) Дальше выступил Петя Полянский, один из моих приятелей, длинную речь произнес, смысл которой заключался в том, что все это ерунда, здесь скрываются совсем другие интересы. Есть у нас такая девочка, Зоя Тимофеева, в которую все мальчишки нашего класса влюблены, и они организовались по группам, которые друг с другом, так сказать, конкурируют.

Н.Ф.: Зоя Тимофеева...

И.В.: Зоя Тимофеева — наша же ученица, которая...

Н.Ф.: Она присутствовала?

И.В.: Присутствовала. Да. Но она тут же расплакалась и выбежала из класса. И больше не возвращалась. Ей такая реклама была...

Н.Ф.: Неприятна.

И.В.: ...неприятна. Но у нее были еще другие основания, чтобы плакать, о которых я выяснил потом. Дело в том, что у нее отец как раз в это время был репрессирован. Он рассказал какой-то анекдот, о котором доложили куда-то, его обвинили в том, что он ведет антисоветскую агитацию. Это был 1936 год. И он где-то в районе порта Находки или в Магадане несколько лет пробыл. Я с ним познакомился лет через пять после этого, а может быть, больше. Но Зое Тимофеевой это пришлось тоже на себе почувствовать. Ее в 37-м году — она тоже была отличницей, — но ее ни в один вуз не приняли. Правда, в 38-м ей удалось все-таки, уже когда Ежова самого...

Н.Ф.: Просто документы не брали? Или заваливали на экзаменах?

И.В.: Она имела право без экзаменов поступать.

Н.Ф.: А, просто документы не брали у нее?

И.В.: Ну, не знаю, под всякими предложениями ее не принимали. На нее не было мест. Она хотела поступить в Менделеевский институт. И там ее не приняли.

Меня-то как раз — это уже был 37-й год — меня благополучно приняли в университет на химический факультет, без экзаменов. Может быть, сыграло роль и то, что моего отца химиками знали. Потом, когда я учился в университете, у нас там Научное студенческое общество было организовано. Леня Агрономов и Шигорин, они уже на пятом курсе, по-моему, были, организовали НСО, и представители от студентов (от этого общества) были прикреплены к разным кафедрам. И меня прикрепил к кафедре аналитической химии. Как я подозреваю, именно потому, что знали, что мой отец — химик-аналитик. Заведующим кафедрой был профессор Пржевальский Евгений Степанович. Я там присутствовал как представитель от студентов на заседаниях кафедры. (*Смеется.*)

Н.Ф.: Понятно. Но давайте к школе вернемся.

И.В.: К школе. Ну, Петя Полянский, значит...

Н.Ф.: Выступил.

И.В.: ...выступил и разоблачил всю нашу подноготную.

Вступление в комсомол. Поступление в университет. Атмосфера 1937—1939 годов

Н.Ф.: А он был прав?

И.В.: Он был, наверное, прав. Я уже говорил, что Зоя Тимофеева сидела на первой парте, и, по-видимому, не только у меня была такая странная привычка — влюбляться в ту девочку, которая сидит на первой парте. (*Смеется.*) Шура Кимергалина в заключение оказалась очень мудрой девушкой, она сказала: «Я понимаю, все это у вас вроде как игры». И по отношению к Зое Тимофеевой она возмутилась: как можно так разговаривать, устраивать такие вещи и так отзываться, смущать девушку на таком важном собрании. «А вообще вам пора оставить все эти глупые игры и пора записываться в комсомол!» — вот такую резолюцию она наложила. Это было в мае 36-го года. Это конец девятого класса. Ну и мы решили всем классом вступить в комсомол. Может быть, были какие-то исключения, возможно были, во всяком случае, у всех у нас в комсомольских билетах была дата вступления — день приезда этой Шуры Кимергалиной. Когда я узнал, что Зою Тимофееву не приняли в Менделеевский институт...

Н.Ф.: Но в комсомол ее приняли тогда?

И.В.: Этого я не помню. Может быть, и нет. А может быть, и приняли... Не знаю.

Н.Ф.: Это означает, что у Шуры Кимергалиной должны были быть анкетные данные на весь класс, чтобы знать, кого можно принимать, кого нельзя, у кого какое происхождение.

И.В.: Ну, это уже, наверное, не у самой Шуры Кимергалиной, а у других комсомольских деятелей. К нам в школу был назначен комсорг ЦК ВЛКСМ, его фамилия была Воробьев, который во всех делах наших уже разбирался более детально и тщательно.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Тогда такая должность, в московских школах во всяком случае, была введена: комсорг ЦК ВЛКСМ. И на фотографии (где-то у меня эта фотография была), выпускников 37-го года, кроме директора и завуча, и Воробьев, комсорг ЦК ВЛКСМ присутствует.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Да. И я узнав, что Зою не приняли в Менделеевский институт, совершил отчаянный поступок:

написал письмо в ЦК ВЛКСМ Шуре Кимергалиной: дескать, мол, так и так...

Н.Ф.: А причину вы знали, что из-за отца?

И.В.: Нет, ну, я ее спросил, она мне объяснила примерно в таком духе, дескать, вот...

Н.Ф.: ...из-за отца.

И.В.: Отец работал у нее на железной дороге, на Октябрьской, по-моему. Жила она примерно в том районе, где сейчас станция метро «Рижская»...

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: У самой Рижской эстакады. И я написал письмо в ЦК ВЛКСМ с просьбой к Шуре Кимергалиной как-то помочь. Шура Кимергалина меня вызвала к себе, я побывал в этом ЦК ВЛКСМ, объяснила, что, дескать, ничего сделать нельзя, раз он за контрреволюционную агитацию осужден. Ну, сказала, что попытается сделать что может. Во всяком случае, через год ее приняли. Но тогда была уже кампания борьбы с «ежовщиной»: 37-й год весь списали на Ежова. Я так понимаю, во всяком случае, так это мы понимали. Сталин слушал на каком-то совещании комбайнеров, и какой-то комбайнер говорил, дескать, у меня отец был репрессирован, — а сам он каких-то достижений добился. И Сталин бросил историческую реплику: «Сын за отца не отвечает». И эта реплика Сталина, она тогда очень тиражировалась. Это уже был 38-й год.

Кстати, потом был еще и 39-й, и в Академии наук, может быть запоздало, набросились на нашего Петра Александровича Ребиндера. В 39-м году в январе в «Правде» была опубликована погромная статья об одном кандидате в действительные члены Академии наук (тогда были выборы в члены Академии наук), там было опубликовано антиребиндеровское письмо, публикация, где писали, что Ребиндер... В общем, его обвиняли во всех грехах. Павел Игнатьевич Зубов тогда был секретарем парторганизации Коллоидно-электрохимического института, так он тогда назывался, его вызывали в райком и спрашивали: «Все-таки что же вы такого нехорошего человека держите у себя в институте»? И Павел Игнатьевич мужественно объяснял: «Петр Александрович Ребиндер — очень серьезный ученый, мы полностью доверяем ему и совершенно не согласны с этой статьей». Ну, это было храброе выступление, геройское, я бы сказал. Но к тому же это был все-таки 1939 год, поэтому дело быстро замяли и прекратили.

Н.Ф.: А расскажите, пожалуйста, вот вы поступили в университет. Во-первых, вы же были медалистом, насколько я понимаю, да?

И.В.: Тогда медалей не было, были так называемые аттестаты с каемочкой — аттестат отличника.

Н.Ф.: Да, и это давало право поступить в любой вуз без экзаменов...

И.В.: Право...

Н.Ф.: ...независимо от происхождения, так что, я думаю, здесь все-таки... У вас не было таких минусов, как репрессированные родственники...

И.В.: Нет.

Н.Ф.: Но это не из-за того, что ваш отец — химик, вы попали на химфак. Вы могли попасть и в другой вуз с такой...

И.В.: Мог бы в любой. Более того, перед тем как подавать заявление...

Н.Ф.: Ага.

И.В.: Я же все-таки еще увлекался стихоплетством, стихи писал. Тогда из советских поэтов в школе мы проходили Безыменского «Трагедийная ночь», перед этим, правда, у него была еще поэма «Комсомолия», в которых он несколько неосторожно, на мой взгляд, партийных бюрократов, парттету Дашу и парттету Мотю изображал. Боюсь, что его обвиняли в то время в сочувствии троцкизму... Но в школах его проходили вначале, и он считался одним из признанных советских поэтов. Я,

не соображая всей сложности обстановки, собрал свои стихи лучшие и послал их Безыменскому по почте, где написал, что я окончил школу, могу поступать куда угодно, хочу спросить вашего совета, не следует ли мне серьезно заняться литературой, поступить, скажем, ну, был тогда МИФЛИ — Московский институт филологии и еще чего-то там... литературы (*Московский институт философии, литературы и истории. — Ред.*). В Сокольниках такой был институт. Или же лучше заняться химией? Но я ответа не получил. По-видимому, как раз Безыменскому самому очень туго приходилось, на него были нападки. Это был 37-й год.

<...> Мне запомнилось осенью 37-го года общее комсомольское собрание химического факультета, личное дело комсомольца Жени Броудера. Он был студентом третьего, что ли, курса... На него в райком, по-моему, комсомола пришло письмо соседки по квартире этого Жени Броудера, который обучал своего младшего брата химии и ставил с ним химические опыты в ванной в коммунальной квартире, что страшно волновало эту соседку, которая, когда они запирались в ванной комнате, чтобы что-то там такое делать, туда ломилась и кричала: «Вы так подожжете квартиру, устроите пожар!» И так далее. А он терпел-терпел и что-то буркнул вроде: «Да, заткнись ты, старая ведьма!» — «Ах, так?!» И она написала письмо в комсомольскую организацию, дескать, такой у вас нехороший Женя Броудер, оскорбил словами свою соседку — мать воина Красной Армии. Подобрали еще какое-то дело, нашли, что дед этого Жени Броудера торговал на рынке спичками, и его лишили избирательных прав за это.

Н.Ф.: Женю?

И.В.: Не Женю. Деда.

Н.Ф.: Он торговал в 37-м году или в 20-е годы?

И.В.: В 20-е годы, еще во время НЭПа, по-видимому. Предложение нашего комсомольского бюро было вынесено на решение общего собрания. Предлагалось Женю Броудера за связь со своим дедом, бывшим лишенцем (бывшим — потому что в 37-м году уже такого термина не было, но когда-то он был действительно лишен избирательных прав), за оскорбление словами соседки-пензионерки, матери бойца Красной Армии, исключить из комсомола. И этот вопрос разбирался на общем собрании.

” Ну и общее собрание, после ожесточенных прений, в которых принимали участие представители райкома, большинством голосов демократично решило объявить Жене Броудеру строгий выговор с последним предупреждением, что рассматривалось как победа справедливости...

Н.Ф.: А вы помните собрания, когда детей призывали разоблачать своих арестованных родителей и отказываться от них?

И.В.: Да, конечно.

Н.Ф.: Были у вас такие?

И.В.: Да, конечно. В нашей группе учился такой Веня Бурмистров. Его отец занимал тогда должность, по-моему, чуть ли не верховного прокурора РСФСР. И он был, по-моему, репрессирован. На собрании комсомольской группы мы решали вопрос об исключении из комсомола Вени Бурмистрова за связь со своим отцом, врагом народа.

”

Веня Бурмистров говорил: мой отец никакой не враг народа, он честный коммунист, и я не буду и не могу... В общем, он его всячески защищал, естественно. Мы ему, конечно, очень сочувствовали, не помню уж, как мы голосовали, но спасти Веню Бурмистрова нам не удалось.

Его исключили из комсомола вышестоящие комсомольские организации. Из университета его выгнали. Через год, по-моему, я встретил его случайно, в кино пошел. И он был в компании какой-то московской шпаны. И сам он был в сильном подпитии, чего за ним раньше не водилось никогда. Как же, из университета исключили, в другие вузы не принимают, он куда-то нанялся работать, и вот в компании забулдыг уже встретился.

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: Еще был такой случай: выходной день, я был один дома. Звонок в дверь. Двое мужчин, один — наш дворник (а я жил, как известно, в доме Наркомата морского флота), другой — неизвестный. Спрашивают: «Есть ли у вас в квартире члены партии?» Я говорю, что у нас нету членов партии. «А может, есть комсомольцы?» — «Ну, я комсомолец». — «Хорошо, вы в двадцать четвертой квартире живете, над вами двадцать шестая квартира, там... Вы знакомы с людьми, которые там живут?» Я говорю: «Да, знаком, там живет геолог Михаил Викентьевич Баярунас с сестрами, Эвелиной Викентьевной и Калерией Викентьевной Баярунас, они литовцы». Неожиданный вопрос: «А у них оружие есть?» Ну, мне бы сказать, что я ничего не знаю, но я решил, что ничего страшного в этом вопросе нет, и я говорю: «Конечно, есть. Михаил Викентьевич, в свое время, работая в Средней Азии в геологической экспедиции, проявил себя очень мужественно, когда экспедиция столкнулась с бандой басмачей. У него при себе была какая-то винтовка, и он, в общем, отстрелялся, вывел всю экспедицию из очень трудного положения. И на память об этом или в знак благодарности участники экспедиции собрали деньги и купили на них охотничье ружье фирмы „Sauer“, о котором мечтал Михаил Викентьевич. Он был членом Клуба охотников. И это охотничье ружье у него висит на стене на ковре. Ковер висит на стене, и на нем это ружье». Мне сказали «спасибо» и ушли. Через некоторое время Михаила Викентьевича арестовали.

Н.Ф.: Но не за наличие ружья у него на ковре, я думаю.

И.В.: Нет, якобы под видом Клуба охотников... Он тоже, по-моему, был сотрудником Геологического института, который в Старомонетном переулке помещался. И вместе с другими членами... тогда как это называлось: Общество охотников или... было и Общество и рыболовов тогда.

”

И вот, под видом Общества охотников якобы антисоветская организация была организована, которая готовилась к вооруженному перевороту.

Так или иначе, он был репрессирован.

Н.Ф.: Понятно. Да.

И.В.: Но я считаю, что я, в общем-то, ничего особенного не сделал. С другой стороны, оказывается, этот товарищ, который задавал вопросы и которого сопровождал наш дворник (это чтобы я знал, что тут все-таки свой человек), был представителем органов и на всякий случай интересовался, нет ли оружия, а вдруг он будет...

Н.Ф.: Отстреливаться.

И.В.: ...отстреливаться, когда его придут забирать.

Н.Ф.: Да. Ну, они бы, конечно, это ружье увидели, когда пришли бы с обыском, раз оно там всегда висело....

И.В.: Ну да. Поэтому я считал, что я правильно делаю...

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: В 25-й квартире, напротив них, жила вдова академика Сушкина. Вы, наверное, такого знали?

Н.Ф.: Да-да, конечно.

И.В.: Она была вдова уже тогда. И очень энергичная женщина. Когда мы приехали в Москву, добираться до центра от 1-й Мещанской не очень удобно было, транспорт тогда был не очень подходящий, метро не было еще, оно строилось. И вот Сушкина, она добилась, через президиум, чтобы нашему дому выделили автобус специально для сотрудников Академии наук. И он каждое утро подходил, останавливался около нашего дома в Капельском переулке, на углу Капельского переулка и 1-й Мещанской. Все сотрудники академии выходили и ехали в Старомонетный переулок. Ну, не только в Старомонетный. Ксения Михайловна Горбунова, которая жила в квартире № 1, она в Коллоидно-электрохимическом институте работала. Развозили, в общем, по институтам, которые в районе Калужской улицы.

Н.Ф.: А Сушкина где работала?

И.В.: Вот чего не знаю, того не знаю. Кажется, в университете.

Н.Ф.: А как ее звали?

И.В.: Забыл уже, забыл.

Н.Ф.: Потому что у Сушкина, я знаю, еще была дочь, мне кажется, Ольга. Значительно моложе... Довольно поздно она у него родилась, насколько я помню.

И.В.: На химфаке университета... Не на химфаке, конечно, на биофаке, работала моя домашняя барышня Лена Шубникова. Ее вы могли и знать. Я не знаю, на какой кафедре, не помню. Дело в том, что в нашем доме поселилась семья Шубниковых. Шубников сам был кристаллограф, он был потом директором Института кристаллографии, но перед самым... У него была жена Ольга Михайловна Шубникова, по-моему, тоже геолог или геохимик, работала вместе с отцом моим. У нее были трое детей: Вера Шубникова, Лена Шубникова и Миша Шубников.

В 35-м году я был тогда еще, по-моему, в восьмом классе... Нет, уже в девятом, осенью. Нас посетил профессор Славянов. Он из той династии Славяновых, его отец, кажется, был открывателем электросварки или что-то в этом духе, а этот, я уже забыл, кто он, где-то у меня даже был справочник, там можно узнать. Пришел профессор Славянов, он сам-то обитал на Сретенском бульваре, в Доме страхового общества «Россия», куда тоже очень много сотрудников Академии наук, рангом повыше, разместилось, и квартира Славянова там была. Это был 35-й год, под лозунгом «Жить стало лучше, жить стало веселее» везде организовывались школы танцев, и Славянову пришло в голову... У него был сын Володя, не помню, в каком он классе, наверное, тоже был в восьмой-девятый класс, что-нибудь в этом духе. Ну, пора уже и танцам обучаться! Тогда ходили сплетни, что Ворошилов на каком-то международном военном сборище — тогда возможные союзники в борьбе с немецким фашизмом пытались договориться с Советским Союзом, и военные делегации к друг к другу ездили. Наши особенно с французами встречались. И на одной из таких встреч все советские офицеры, их тогда еще командирами называли, опростоволошились по двум статьям. Во-первых, они не умели правильно очинивать красно-синие карандаши. Были такие карандаши «Тактика», с одной стороны — красный, с другой — синий. Затачивали их так, чтобы очень острый кончик был у грифеля. И когда проводились тактические занятия или просто надо было на карте что-то такое объяснить, Ворошилов стал этим карандашом пользоваться, он слишком остро был оточен, и грифель тут же сломался. И ему иностранные военные атташе, или кто

там присутствовал, пояснили, что его нужно затачивать не остро, а под достаточно большим углом, примерно в девяносто градусов, чтобы он не ломался, этот грифель. Обучили, как пользоваться этой «Тактикой». Это нам потом объясняли, когда я уже в Академии химзащиты учился.

” А другой промах был — когда после встречи была организована вечеринка, и надо было приглашать дам на танцы, оказалось, что советские командиры не умеют танцевать современные танцы и даже классические танцы, вальсы, тоже никто не умеет танцевать. Что уже совершенно неприлично. Какой же это офицер, если он не может даму пригласить на танец?

И поэтому обучение танцам, как классическим, так и современным: фокстротам, румбам, танго — все это делалось крайне модным.

И вот профессор Славянов решил, что лучше организовать такой кружок танцев у себя на квартире. Обучать вызвался один из его аспирантов. Он сам, по-моему, тоже был геолог, но тем не менее успел обучиться. И он нас обучал и вальсу, и польке, и мазурке, и фокстроту, и танго, и даже каким-то только что изобретенным советским танцам под названием инфизкульт. Институт физкультуры разработал советский танец, уж не помню какой. Профессор Славянов в наш дом в Капельском переулке зашел, узнал, где живут ребята подходящего возраста, всех обошел и записал к себе в кружок танцев. Нужно было финансировать, но плата была умеренная, все согласились. Я, моя сестрица приняли участие. Марина Алексеева, племянница Баярунасов из двадцать шестой квартиры, и дети Шубникова. А мой товарищ по классу Петя Полянский, который в это время осиротел... Так получилось, что моя мать приглашала его обедать у нас дома, поскольку дома некому ему было обед готовить. И когда меня записали в школу танцев, он попросился: «А можно и я тоже запишусь?» Я поговорил с руководителями школы, они сказали: «А почему бы нет? Если ты ручаешься за его благопристойное поведение, то — пожалуйста». *(Усмехаясь.)* И Петя Полянский вместе со мной учился в этой школе танцев. Более того, он предложил в нашей 273-й, в которой мы учились, — нельзя же от других отставать, надо тоже танцам обучаться, а то потом поздно будет. И Петя Полянский предложил свои услуги в качестве инструктора: «Давайте я возглавлю эту школу». Он просто повторял уроки, которые нам давал этот аспирант Славянова. *(Смеется.)* Вот такие тогда были...

Н.Ф.: Да. Но это было еще до поступления?

И.В.: До поступления.

Н.Ф.: Вот вы поступили, и вас прикрепили к кафедре аналитической химии.

И.В.: Нет, это не сразу было.

Выбор специальности

Н.Ф.: Ну да, как члена научного общества. А когда же вы выбрали физхимию своей специальностью, как было дело? Как вы познакомились с Ребиндером, почему именно к нему пошли в ученики? Может быть, какие-то детали о преподавателях других...

И.В.: Когда я поступил в университет, на первом курсе начало функционировать Научное студенческое общество. Некоторые старшекурсники были прикреплены к некоторым младшекурсникам, по их выбору, и пытались их как-то к своей специальности заранее подготовить.

Н.Ф.: Да.

И.В.: Ко мне прикрепили Юру Гольдфельда, который был на кафедре физической химии. Это он предложил мне сделать доклад для товарищей, студентов первого курса о методах определения молекулярного веса,

тогда еще молекулярный вес назывался. Он помог мне список литературы составить, на русском и частично на иностранных языках: на немецком языке, я немецким более-менее достаточно уже владел, чтобы читать. Тем более что и на химфаке тоже нас обучали, главным образом, немецкому языку тогда. Считалось, что он — это язык химиков. Одним словом, я сделал доклад о методах определения молекулярного веса, так сказать, в дополнение к тому, что нам преподавали.

Н.Ф.: Да.

И.В.: Поэтому меня и приняли в Научное студенческое общество. У меня к аналитической химии никакого особого влечения не было. Да, на кафедре аналитической химии мной занималась, мне помогала Зоя Федоровна Шахова, она была доцент, потом профессор этой кафедры. Она руководила нашей группой, практикумом по аналитической химии нашей группы. И предложила мне тему для самостоятельного исследования. Немец Винкельман опубликовал ряд статей, в которых предлагал проводить качественные химические реакции не на бумаге — тогда уже на фильтровальной бумаге был метод капельного анализа, — а в гелях. В частности, в студнях желатины. Зоя Федоровна предложила мне заняться повторением этих работ, выяснением, насколько можно этот метод использовать. Тогда считалось, что это новый метод. Я всерьез этим занялся, но так получилось, что сам метод анализа, мне не очень показался интересным, я подготовил доклад на эту тему с демонстрацией собственных результатов, собственных экспериментов, но главное внимание мне пришлось уделить: а что же такое гели? Начал я эту работу, будучи еще на втором курсе, а закончил, когда мы уже были на четвертом курсе. И тогда уже сделал доклад о результатах. И на мой доклад пришел, как ни странно, заведующий кафедрой коллоидной химии...

Во всяком случае, на четвертом [курсе] занятия капельными реакциями на желатине больше сдвинули мои интересы в сторону коллоидной химии. На четвертом курсе, когда уже нам профессор Раковский читал курс физической химии... Он, по-моему, на третьем еще нам читал. А на четвертом курсе нам читали курс коллоидной химии. И мне эта наука как-то стала... Эта коллоидная химия — часть физической химии.

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: Но в результате ознакомления с физической химией и с коллоидной химией, я понял, что наиболее важная часть современной физической химии — это физическая химия поверхностных явлений. И мы тогда обучались по курсу, книга была «Коллоидная химия» Наумова, были учебники коллоидной химии Думанского, Пескова. Нашим завкафедрой тогда был Адольф Иосифович Розенфельд, кажется...

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Да. Ну, профессор Адольф Иосифович, у него такое имя было несуразное, он своими в какой-то степени учениками считал и нам говорил о работах Ребиндера и о работах Каргина.

Н.Ф.: Это какой уже курс был? Коллоидную химию вам на каком курсе преподавали?

И.В.: По-моему, на четвертом, это был 39-й, наверное, год или 40-й. Нет, 40-й, конечно. <...> Я когда-то анализировал собственные склонности и даже в письменном виде где-то это написал, что неорганическая или общая химия, она вся основана на таблице Менделеева. Таблица Менделеева — это блестящее подтверждение квантовой механики, которая...

Н.Ф.: Или, если последовательно, квантовая механика — это развитие и следствие таблицы Менделеева.

И.В.: Следствие таблицы Менделеева. В истории квантовой механики таблица Менделеева сыграла огромную роль, конечно же. В органической химии теория строения Бутлерова, потом теория строения Линуса Паулинга, это уже несколько позже были дискуссии. А в коллоидной химии сначала все было неясно.

Изучение коллоидных систем: студней, гелей, зелей, — все это как-то не очень понятно было: какая же тут руководящая мысль.

И тут мне как раз попались высказывания Ребиндера, который объяснил, что коллоидная химия — это название, вообще говоря, неправильное, оно не соответствует нормам русского литературного языка. Химия как наука не может быть коллоидной. Если расшифровать это традиционное название, то это физическая химия поверхностных явлений и дисперсных систем, в которых поверхности раздела особенно развиты. То есть это физическая химия поверхностных явлений. Эта трактовка мне понравилась. Тем более что Юра Гольдфельд продолжал руководить моими научными помыслами и интересами. *(Усмехается.)*

Н.Ф.: А он стал аспирантом уже к этому времени?

И.В.: Он уже аспирантом стал, совершенно верно, на кафедре физической химии, и он занимался гетерогенным катализом. Мне эта область показалась очень интересной и перспективной, потому что на явлении гетерогенного катализа основаны наиболее важные химические производства: синтез аммиака, большинства других химических продуктов, — можно сказать, всех. И именно Ребиндер считал, что гетерогенный катализ — это особое поверхностное явление, поскольку проходят химические реакции, которые зарождаются на поверхностях раздела фаз. Это тоже заинтересовало все, но с самим Ребиндером во время обучения в университете я не был знаком, не приходилось мне с ним сталкиваться.

Н.Ф.: Но он работал в университете?

И.В.: Может быть, и не работал, он уже потом, после войны сделался заведующим кафедрой, а до тех пор работал в других местах. Он, по-моему, преподавал в Педагогическом институте Карла Либкнехта, был такой, потом вместе с Лыковым они в Пищевом институте работали, и там он, кстати, стал председателем комитета коллоидной химии пищевиков.

Н.Ф.: Понятно.

Досрочное окончание университета. Начало войны

И.В.: Что, собственно, и послужило обстоятельством, благодаря которому я с ним и познакомился впоследствии. А до войны я с ним не был совершенно знаком. И кончал я университет таким образом... Политические события в то время развивались так, что было ясно: войны не избежать. Поэтому в учебные планы университетов срочно вносились изменения. Началось с того, что в 1940 году ввели плату за обучение. До тех пор обучение было бесплатным.

Н.Ф.: Для всех или для некоторых?

И.В.: Для всех, практически для всех. Стипендии платили нуждающимся, а платы за обучение не было. В 1940 году ее ввели.

Н.Ф.: И какая же была плата за обучение?

И.В.: Ну, я уже не помню...

Н.Ф.: Это должны были за вас родители платить? Вы сами не могли?

И.В.: Естественно. Это уже, как говорится, наше было дело, семейное. Конечно, для всех семей это дополнительное осложняющее обстоятельство. Я помню, мы с товарищем Сашей Кузаковым стали искать, где можно подработать. Нашли Институт научно-технической информации, это не нынешний ВИНТИ, а его предок, где-то на берегу Яузы располагался. Помню, что директор этого института, в который мы пришли, как-то злорадно усмехнулся: «Ага, студенты, пришли искать заработок».

(Усмехается.) Он предложил нам какие-то темы, в которых мы, в общем-то, ничего не понимали, составить обзоры по проблемам, допустим, «Что такое алитирование?» Я до сих пор не знаю, что такое алитирование. Предложил написать сочинение на эту тему на основании литературных данных. Этот институт занимался производством таких научно-технических обзоров. Но мы сразу поняли, что это далеко не прибыльное занятие, и, по-моему, так ничего и не сделали, не стали с ним сотрудничать. Пришлось родителям выкручиваться.

Н.Ф.: А как?..

И.В.: Моя мать, например, решила, что я уже вполне готов к тому, чтобы зарабатывать самостоятельно деньги, и летом устроила меня репетитором к отстающим ученикам в свою школу, в школу, в которой она преподавала в Москве. Было несколько учеников из разных классов, двоечники, которых оставили...

Н.Ф.: На лето.

И.В.: ...на лето, и я должен был с ними повторять занятия. По математике я с ними вел занятия. Большинство из них благополучно сами выкарабкались, получили переэкзаменовку... А с одним, самым младшим и самым малоспособным мальчиком у меня вышло досадное недоразумение. Он очень ленивый был, ничего не делал, не занимался. Но я его заставлял, чтобы он все-таки выполнял домашние задания, я им домашние задания давал. И вот однажды он, к моему удивлению, принес домашнее задание: ошибок никаких не было. И я, решив его подбодрить, поставил ему пятерку, что было педагогически по отношению к нему очевидно неверным. Потому что он своим родителям этой пятеркой козырял все время: «Вот, дескать, у меня занятия идут хорошо, у меня пятерка есть». И так далее. Но продолжал бездельничать. Я ничего с ним поделаться не мог, и его оставили на второй год. А родители ко мне пришли: «Что же это вы, ставили пятерку ему, он нас заверял, что отлично учится, а теперь его на второй оставляют?» Ну, конечно, это был мой промах, у меня педагогического опыта никакого не было. Но я за эту работу деньги ведь получал, гонорары.

Я еще подрабатывал кем: в газете «Московский университет», многотиражка, она и сейчас, по-моему, издается.

Н.Ф.: Существует, да.

И.В.: Я сотрудничал там. Все началось с того, что газета объявила конкурс на лучший проект гимна Московского университета. Так как я в свое время сочинял гимны Эфиопии, я сочинил какие-то варианты (даже несколько, по-моему) гимнов Московского университета и послал их...

Н.Ф.: На конкурс.

И.В.: ...на конкурс. Чем этот конкурс закончился, я уж не помню, но участникам конкурса предложили организовать в литературную группу при Московском университете. Это литературное объединение или литературную группу возглавляли Сурков и Долматовский, известные литераторы, поэты. Сурков — автор песен еще Гражданской войны «От Кубани и Волги мы коней собирали в поход...» С Долматовским меня моя сестрица первым делом познакомила. Она училась в другой школе, и он к ним в школу приезжал, читал там свои стихи и на мою сестру произвел, впечатление, поэтому она познакомила меня с его произведениями. Там что-то такое:

...Когда придется мне над островами

Вести бомбардировщик скоростной,

Я расплачусь огнем, а не словами

За то, что там глумились над тобой...

Это вроде как на каких-то реальных событиях... Девушку, журналистку, японцы арестовали и издевались над ней. И вот я наизусть запомнил это стихотворение Долматовского. <...>

Нам самим тоже приходилось свои произведения демонстрировать, особенно у нас выделялся такой Николай Майоров. Не помню на каком факультете он учился — то ли на историческом, то ли на биологическом... Потом был еще такой Немировский, впоследствии известный журналист. Одним словом, со всех факультетов мы собирались, читали произведения друг другу, главным образом стихи, конечно. После того как я свои стихи там почитал, Долматовский меня пригласил к себе домой, так сказать, для беседы, в знак уважения: по-видимому, он считал, что у меня есть некоторые основания. А может, потому, что я в какой-то степени в его фарватере шел. Я тоже патриотические стихи писал на современные темы...

Н.Ф.: А вы не пытались их публиковать в газетах?

И.В.: Мы были в объединении, и, так сказать, только по рекомендации объединения пробовали. В «Московском университете» только одно стихотворение, по-моему, было опубликовано, оно где-то у меня есть, сохранился этот номер. Там, правда, мою фамилию переврали: вместо Влодавец написали Владовец или что-то в этом духе.

Н.Ф.: Угу-угу.

И.В.: Но я был уже тогда почти штатным корреспондентом этого «Московского университета».

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Тогда Маруся Школьник, по-моему, была редактором этой многотиражки. Я не знал тогда, что профессия журналиста очень опасная, и что... Меня просили написать критические статьи, например, о том, как у нас читался курс химической технологии. Я написал. А у нас читал курс химической технологии профессор Беспалов, который заявлял гордо, что он ученик академика Курнакова. Сходство с Курнаковым у него было только в том, что он тоже брился наголо. Он читал очень примитивно, скучно... Во всяком случае, когда он прочел эту статью, после этого мне пятерки по технологии, конечно, не было. В университете я тоже старался учиться получше, у меня были пятерки по всем предметам, а по технологии была четверка.

Н.Ф.: Понятно. Ну, критику мало кто любит. Это да.

И.В.: Критику мало кто любит. Кроме того, критику надо уметь, конечно, преподносить так, чтобы и за нее полюбили. Но это я уже поздно понял.

Н.Ф.: Это правильно, да.

И.В.: Это я уже поздно понял.

” Перед войной у нас сократили продолжительность обучения. Уже на четвертом курсе мы знали, что на пятом у нас будет не два семестра, а один. За этот семестр мы должны были сделать дипломную работу и должны были кончать университет в январе 42-го года.

Когда началась война, сначала вообще было все неясно, потому что перед войной была масса сообщений ТАСС, в которых разоблачались разные провокации и подчеркивалось, что никакой войны не будет, все это происки наших врагов, которыми в то время считались англо-французские так называемые демократы. А «друзьями» нашими считались немцы после того, как в 39-м году к нам приезжал...

Н.Ф.: Риббентроп.

И.В.:... Риббентроп, да. Пакт Молотова и Риббентропа был заключен. Масса немецких делегаций всякого рода приезжала тогда в Москву, они подробно знакомились со всем. Выяснилось, что, скажем, Гудериан обучался в советских училищах в свое время и что мы помогали созданию танковой промышленности

немцев. (*Смеется.*)

Так или иначе, война началась неожиданно, я хорошо помню, я даже начал было вести дневник, который сохранился, у меня где-то есть, чтобы описать все события. В первый же день, 22-го числа, как только мы прослушали по радио речь Молотова... Что делать? Мы с сестрой пошли закупать обои, потому что тогда было ясно, что если война началась, то, скорее всего, будут воздушные тревоги, и нужно, чтобы затемнение было на всех окнах.

Для затемнения нужно из обоев сделать шторы, которые бы не позволяли с улицы подглядеть свет, чтобы можно было зажигать свет в квартире. И мы с сестрой Ириной пошли на Сухаревскую площадь, там был магазин, где обои продавали. Помню еще, что, когда мы заказали несколько рулонов обоев, продавец страшно удивлялся: «Что-то сегодня так много обоев спрашивают». А мы объяснили: «Так война же началась». — «Как война?!» Он еще не слышал речи Молотова, был страшно удивлен.

” Сестрица моя тогда шла, около магазинов уже, около всех магазинов выстраивались очереди, а она тоже уже комсомолкой была, она возмущалась, дескать, что же это за люди такие, началась война, а они первым делом бегут в магазин запастись продуктами. Мудрые люди запасались продуктами, потому что ввели через пару дней карточную систему.

До этого не было карточек уже, с 1935 года карточная система была ликвидирована. А тут сразу карточки ввели.

Позвонили из Университета: «На комсомольское собрание общее». Пришел на собрание.

Н.Ф.: А это уже были каникулы у вас? Или конец сессии?

И.В.: Это был конец сессии. Я сдал почти все экзамены, не сдал только экзамен по электрохимии. Я его сдал, по-моему, 26 июня, что-то в этом духе. Профессор Иофа у меня принимал. Я, конечно, неважно подготовился, ко всем предыдущим я готовился всерьез, к этому тоже старался, но тут всякие события были: нас то и дело мобилизовывали проверять затемнения. Ходили по Красной Пресне и прилегающим районам, проверяли затемнения на окнах. Дома-то мы у себя сделали из обоев.

Н.Ф.: А про комсомольское собрание, на которое вас вызвали?

И.В.: На комсомольском собрании там повторили сообщение о том, что война началась. В общем-то, неясно было, что надо делать, но предлагалось записываться добровольцами. Я помню, сразу после собрания ко мне подошел такой Юра Сдарсен. Он, собственно, не был студентом химфака. На нашем курсе была учебная группа плохо слышащих студентов, а он был сурдопереводчиком. Он на всех лекциях присутствовал со своей группой, и на язык жестов переводил все лекции. У него такая специальность была. Он был тоже комсомолец. Он ко мне подошел и говорит: «Давай запишемся добровольцами». И мы записались добровольцами.

Должен сказать, что военная подготовка у нас была. Планеристом я не был уже в университете, но я был парашютистом. Мне просто показалось: тоже ближе к воздуху.

” Сначала мы прыгали со стремянки на мат, обучались правильному приземлению без парашюта, потом прыгали с вышки парашютной, потом нас вывозили на аэродром.

На Чкаловском аэродроме я прыгал с самолета. Там были у меня при этом некоторые трагикомические

приключения.

Н.Ф.: Какие же?

И.В.: Первый раз — это когда мы ехали в электричке, везли свои парашюты (мы сами их укладывали, парашютист сам должен укладывать парашют) до станции... Как же она называлась? За «Валентиновкой»...

Н.Ф.: «Загорянка»?

И.В.: М-м, нет, по-моему, что-то другое... Она тоже как-то с авиацией связана, «Воронок», по-моему. Как раз возле Чкаловского аэродрома. Там мы выгружались с парашютами. И ко мне подошел молодой человек из общеуниверситетской группы парашютистов, он попросил меня помочь ему. Видит, что я пока без парашюта. Попросил помочь ему его парашют вытащить. Мы с ним вытащили парашют. Я хотел броситься в вагон за своим-то парашютом, но меня не пустили, чтобы не мешал я выходу: там продолжали выходить, вытаскивать. Потом наш инструктор потребовал, чтобы проверили, не осталось ли парашютов, и конечно, нашли, что мой парашют на полке еще лежит. Его вытащили уже без меня, но нашли, там записка была, что парашют собрал Влодавец. Инструктор страшно рассвирепел, сказал: «Влодавца отстранить от полетов и от прыжков на сегодня!» Ну, и я только наблюдал, как другие прыгают. Но потом ему, видимо, объяснили, что, собственно, у меня большой вины не было в том, что я не оставил сознательно, а просто хотел помочь товарищу вытащить его парашют и поэтому оставил свой на полке, решив, что можно вернуться за ним. И в следующий выходной я уже благополучно доехал до аэродрома...

Н.Ф.: Но в тот раз вам не позволили?

И.В.: Нет, не позволили. Я был отстранен от прыжков. А в следующий раз мне милостиво разрешили прыгать. Тогда уже холодно было, это был март месяц 41-го, наверное. Мне дали какие-то валенки, и валенки продранные были, и дыры были заткнуты какими-то тряпками. Когда инструктор...

Н.Ф.: В валенках прыгать?

И.В.: Да.

Н.Ф.: Холодно?

И.В.: Холодно. Ну, я сижу на переднем сиденье, сзади инструктор, он подает команду: «На крыло», — я отвечаю бодро: «Есть на крыло!» — вылезая на крыло. И у меня из этих дыр в валенках вылезают тряпки и начинают путаться. Я стараюсь не зацепиться там за что-нибудь.

Н.Ф.: Прямо с крыла надо было прыгать?

И.В.: Да, конечно. Самолет У-2, или По-2, покрышкинский, кажется (*конструктор Н.Н. Поликарпов. — Ред.*). Самый популярный биплан тогда был, простой. И вот инструктор волнуется, кричит: «Ну, скорее! Что ты там возишься?! А то тебя в деревню увезет». Он сбавляет обороты пропеллера, чтобы сбавить скорость самолета при прыжке.

” Так или иначе, я встал в нужную позицию на крыле, держусь. Он дает команду: «Пошел!» Я кричу: «Есть пошел!» — и прыгаю. Ветер свистит, дергаю кольцо, парашют раскрывается, я смотрю наверх — все в порядке, парашют раскрылся.

Потом приземлился, погасил парашют, в общем, все сделал по правилам. Как ни странно, инструктор на разборе прыжков меня особенно похвалил за храбрость, поскольку я был занят главным образом своим дырявым валенком, я и старался все-таки, хотя, может быть, с некоторым опозданием, добросовестно выполнять все команды без повторения. Он считал, что я очень мужественно это... Далеко не все выполняли команду «Пошел!» сразу. Он сделал замечание, кому уж там, я не знаю: «Влодавец,

он очень бодро, сразу, как только была команда, сразу выполнил ее...»

Н.Ф.: Несмотря на дырявые валенки.

И.В.: Смотри на дырявые валенки. *(С улыбкой.)*

Н.Ф.: Смотри, смотри на дырявые валенки. *(Усмехаясь.)* Понятно.

И.В.: Но потом это имело для меня очень любопытные и довольно серьезные последствия. Я получил... У нас был на нашем курсе такой Аркадий Карякин, не в нашей группе, но мы с ним хорошо знакомы были. Он прославился у нас на факультете тем, что собрал массу оборонных значков. Тогда было в моде получать оборонные значки: ГТО, ГТО-2, «Ворошиловский стрелок», «Значок парашютиста». И он тоже парашютист был. Он набрал массу таких значков, больше всех. И у меня тоже оказались значок парашютиста, «Ворошиловский стрелок», ГТО. И в это время, это уже война началась, приехал командир, которого назначили начальником ОМСБОНа — Отдельного мотострелкового батальона особого назначения. Это тот самый, в котором Зоя Космодемьянская была.

Н.Ф.: Ага.

И.В.: И он потребовал список...

Н.Ф.: Это уже осень или еще лето?

И.В.: Это было лето, конец июня, или, может быть, начало июля.

Н.Ф.: Понятно. Первые дни войны.

И.В.: Первые дни войны, да. И он, по-видимому, попросил список: «Кто у вас „значкисты“ — наиболее подготовленные из числа комсомольцев?» И, наверное, я попал в этот список. И он стал агитировать поступать в этот ОМСБОН. Я это потом уже узнал. А тогда события развивались так. Нам приказано было числу к 30 июня (у меня это в тетрадках все записано) приготовить кружку, ложку, запас продуктов суточный. Сначала предполагалось, что мы должны были принять участие в строительстве метро...

Н.Ф.: Ага.

И.В.: ...потому что для строителей была мобилизация, часть ушла нужно было кем-то заменить. Потом оказалось, что нас должны послать на строительство укрепленного района под Вязьмой, на рытье окопов.

Н.Ф.: То есть это делалось еще в июне? В июле, наверное?

И.В.: В июне еще. Во всяком случае, команду мы получили в последних числах июня. Мы должны были с ложкой, кружкой и так далее, с рюкзаком [явиться] в школу на Краснопресненской заставе, недалеко от станции метро нынешней, тогда, по-моему, еще не было этой станции. Я приехал в эту школу, там было сказано, что нужно на такой-то этаж, в такой-то кабинет... И при входе в кабинет, куда собирались студенты, которые отправлялись на рытье оборонительных сооружений, меня встретил Юра Жданов. Сказал: «Игорь, тебя срочно вызывают в университет!» Здание тогда на Моховой, считалось, что это здание биофака, главный корпус. «В такой-то кабинет. Ты с нами не поедешь, езжай туда, такой приказ».

Н.Ф.: А он поехал туда?

И.В.: Я не знаю, поехал или нет, по-видимому, поехал. Во всяком случае, через него я получил такое приказание. Я с этой ложкой, кружкой явился. И этот самый начальник ОМСБОНа мне рассказал: «У нас создается специальное подразделение, нам нужны люди, которые не боятся прыгать с парашютом. Мы будем создавать группы надежных товарищей, вместе с которыми будем сбрасывать десант в тылу противника. И там будем заниматься диверсионными актами, помогать нашей доблестной Красной Армии. Мы записываем в наше подразделение строго с личного согласия. Вы по всем параметрам нам подходите. Согласны вы или нет?»

”

Я вздохнул, сказал: «Знаете, воевать в обычных подразделениях я, пожалуй, смогу, а для того чтобы заниматься диверсионными актами в тылу противника, пожалуй, у меня жизненного опыта еще не хватает».

Я вот так высказался. Он буркнул что-то: «Ну, жизненного опыта у нас у всех для такой работы еще не хватает. Но учтем ваше мнение. Значит, вы не согласны». Меня тут же отправили обратно на Краснопресненскую заставу, но уже не в школу, а в ясли. В распоряжение майора — вылетела из головы фамилия этого майора...

Н.Ф.: Ничего. Это можно оставить на потом. Можно сейчас уже прерваться, а можно еще продолжить, запомнив, что фамилию майора нужно будет восстановить потом.

Участие в истребительном отряде

И.В.: Да. Лучше восстановить потом. Я его вспомню, конечно. Или она у меня где-нибудь записана. Майор был в зеленой фуражке, он только что приехал с западной границы на легковой машине, он попросту удирал. И ему поручили сформировать истребительный батальон. И опять же конкурирующая фирма получилась — этот ОМСБОН был, а он в истребительный батальон набирал народ.

Н.Ф.: Ага.

И.В.: Ну, собрал он публику, какая была, тоже все значкисты, студенты наши. Он произнес краткую речь, содержание которой сводилось к тому, что: «Мне поручено сформировать истребительный батальон. Чем мы будем заниматься, я еще не знаю, но сейчас могу уже заявить и от своего и от вашего имени, что любые задания партии и правительства мы выполним с честью». Его спросили: «Ну, а как мы питаться-то будем?» Он сказал: «Пока что питайтесь, кто как может. На сегодня занятия у нас окончены. Езжайте домой, там подкормитесь, отоспитесь, а завтра утром, к девяти часам, прибывайте сюда». Назавтра...

Н.Ф.: Откуда ж было известно, что он приехал на легковой машине с самой границы?

И.В.: Он сам сказал.

Н.Ф.: Но не в таких выражениях, что он убежал оттуда? Это как бы совсем...

И.В.: Ну, не совсем в таких, но это было понятно, в общем.

Один из моих товарищей, Саша Арбатский, который работал потом в Институте органического синтеза, написал тоже воспоминания свои про истребительный батальон, он участвовал в нем. Арест Петрович Шевцов, мой приятель с первого курса, но он потом по каким-то причинам отстал от нас на курс (мы уже кончили четыре курса, а он еще только три), тоже попал в этот истребительный батальон. Но немножко позже, он попал на мое место (меня забрали из батальона, а его прислали). Дело в том, что...

”

Наша деятельность заключалась в основном в том, что мы ловили диверсантов на Ваганьковском кладбище. Сначала мы оцепили Ваганьковское кладбище, потом двигались пешком и всех подозрительных граждан, которых могли найти возле могил, задерживали и направляли... там был штаб у нас, в проходной Ваганьковского кладбища.

Н.Ф.: А почему считалось, что Ваганьковское кладбище — это прямо какой-то центр диверсантов?

И.В.: Были, по-видимому, какие-то сигналы. Не знаю. Тогда много было непонятного. Но я, как ни странно, в этом истребительном батальоне получил некоторое повышение, сделался каким-то уже командиром...

Н.Ф.: Вы сделались?

И.В.: Да-да. Вот. И через некоторое время уже не ходил [вместе в группой]... Так-то мы ходили по дорожкам, патрулировали по ночам дорожки Ваганьковского кладбища и друг друга пугали: вот по соседней дорожке кто-то крадется, а оказывается — это тоже наш брат, боец истребительного батальона. Я уже сделался каким-то начальником, и меня посадили в проходной...

Н.Ф.: Кладбища.

И.В.: ...кладбища, да. И я запомнил, там висела еще стенная газета, выпущенная к 1 мая. И она меня поразила, так сказать, мрачным юмором. Там публиковались «Ударные обязательства», что бригада землекопов обязуется выполнить и перевыполнить нормы копки могил.

Н.Ф.: Да... *(Усмехаются.)*

И.В.: В честь праздника 1 Мая — Международного дня трудящихся...

Н.Ф.: Да.

И.В.: ...вот такая бодрая заметка. Я как специалист, так сказать... Обычно моя общественная работа была связана с выпуском стенгазет в школе, в университете я в многотиражке работал, так что... Это, конечно, замечательно: ударные обязательства «выполнить и перевыполнить нормы копки могил».

Н.Ф.: Да. Перед войной особенно звучало мрачно.

И.В.: Уже война шла.

Н.Ф.: Шла, да?

И.В.: Но я недолго пробыл в истребительном батальоне. Вдруг вышел приказ, что всех студентов четвертого курса, которые успешно сдали экзамены за четыре курса и которым осталось по новому расписанию только один семестр учиться... А мы уже начали эксперименты по дипломной. У меня дипломная работа была по гетерогенному катализу: «Кинетика каталитического гидрирования олеиновой кислоты на платиновом катализаторе», которую я делал под руководством того же Юры Гольдфельда. Но должен был ее закончить к январю 1942 года. Так вот, дипломные работы нам отменили по случаю войны и заменили госэкзаменом за весь курс университета. Мы должны были немедленно подготовиться к единому экзамену, после чего считаться закончившими университет. Это был уже июль 41-го года.

Н.Ф.: А я вот хотел спросить, вам кого-то удалось задержать, когда вы были в истреботряде и патрулировали? Или только это были контакты с собственными коллегами...

И.В.: Нет. Разных подозрительных личностей. Если какой-то человек попался ночью...

Н.Ф.: Ага. То есть попадались?

И.В.: По-па-да-лись, да. Я не знаю, что дальше с ними было. Не знаю. Мы их приводили в штаб...

Н.Ф.: А какого вида? Какие-то бродяги или кто это были?

И.В.: Не знаю, может, и бродяги: приехал в Москву, никого знакомых нет, в гостиницу не попадешь, идет мобилизация, все занято...

Н.Ф.: Да-да-да. Понятно.

И.В.: Кто-то решил ночевать на кладбище, дескать...

Н.Ф.: А тут из...

И.В.: ...тихое место, а тут как раз...

Н.Ф.: Отряд.

И.В.: ...отряд, который ловит диверсантов.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Не только это. Вся война, она состоит из таких не очень понятных явлений, когда не знаешь, что будет в следующую секунду, буквально не знаешь, и в следующую секунду может оказаться, что в предыдущую секунду ты поступил неправильно — надо было совсем не так. Но уже ничего не поделаешь. Я пробыл немного в этом истребительном батальоне.

На мое место потребовали, чтобы прислали замену. И тогда Ареста Шевцова, который только три курса кончил и которому еще оставалось учиться, прислали. И там, на моем месте, он сразу пошел в гору. Я был довольно скромным, так сказать, бойцом истребительного батальона, ничем не прославился, а Арест прославился тут же. Дело в том, что в 20-х числа июля начались настоящие бомбежки, и когда началась воздушная тревога, весь истребительный батальон в бомбоубежище спустился и там сидел.

А Арест Петрович страшно возмутился: зажигательные бомбы падают, могут попасть на крышу. Действительно, самолеты район Красной Пресни в особенности почему-то бомбили этими зажигательными бомбами.

Он выгнал всех из бомбоубежища, все отправились на чердак и стали бороться с зажигательными бомбами, которые действительно падали туда и которые надо было...

Н.Ф.: Тушить.

И.В.: ...тушить. А потом еще какие-то он совершил благородные поступки. Короче, уже через неделю, по-моему, были опубликованы списки граждан города Москвы, отличившихся при отражении воздушных нападений противника. И там был наш Арест Петрович Шевцов, который был награжден тут же орденом, по-моему, Красного Знамени. А потом, как студент-орденоносец, он получил приглашение на Международный форум демократического студенчества. Я уже не помню, где этот форум заседал, где-то за границей, то ли в Англии, то ли в Штатах. И Шевцов, по-моему, до конца войны, так и числился представителем советского студенчества в этой международной организации демократического студенчества.

Такая у него была деятельность. А попал он в этот истребительный батальон, потому что нужно было заменить Влодавца, которого заставили тут же... *(Смеется.)*

Н.Ф.: Готовиться к экзаменам.

Вооруженная охрана университета

И.В.: ...готовиться к экзаменам. Но готовится-то не просто так, раз уж я свободный человек, меня зачислили в вооруженную охрану университета. Университет нужно было охранять, и студенты, которые не попали на рытье окопов, не попали на уборку урожая в колхоз, не попали в истребительный батальон, их использовали для вооруженной охраны университета. И я помню, что вначале я с учебной винтовкой с кафедры военного дела (взяли учебные винтовки, их которых вообще-то стрелять было нельзя, они были рассверленные, стволы).

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: С кафедры просто, там все вооружение было такое. Стоял на часах возле старого здания химического факультета на Моховой улице — это красное кирпичное здание, где квартира Зелинского была.

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Я помню еще, что там дежурные были по университету, по химфаку, в том числе Михаил Алексеевич Прокофьев, который впоследствии был министром просвещения.

Н.Ф.: Да-да. Был такой, да.

И.В.: А тогда он был аспирантом Московского университета.

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: И еще, как же ее звали... Хатимская, тоже аспирантка, вот они тоже дежурили в этом здании. А я стоял возле этого здания на часах, с винтовкой.

Бомбежка была, бомба упала на Манежную площадь, большая бомба, которая там большую воронку сделала. Это было в 20-х числах июля.

Потом мне приходилось охранять и здание мехмата, там меня тоже назначили уже каким-то начальником караула или что-то в этом духе. А девочки у меня все были караульные, по-моему, с биофака, студентки.

Н.Ф.: Вы не помните, как зовут?

И.В.: Нет, не помню. Мы там день дежурили как вооруженная охрана, а два дня нам разрешалось дома сидеть и готовиться к госэкзаменам.

Н.Ф.: Ага.

И.В.: В разных местах мы дежурили. Помню, охранял Астрономический институт имени Штернберга, тогда он находился тоже на Красной Пресне, сейчас уж не помню точно место. И помню, когда принимал дежурство, меня посадили на крышу, и там меня инструктировал предыдущий караульный. Он говорил: «Вот сюда упадет зажигательная бомба. Вот это щипцы, — дает щипцы. — Ты берешь в эти щипцы бомбу и кидаешь ее на улицу. Там ее будут тушить другие товарищи». Он показывал дырку: «Вот сюда упадет бомба». Бомба действительно падала, ему пришлось сбрасывать. Когда я дежурил, при мне бомба, слава богу...

Н.Ф.: Не падала.

И.В.: ...не падала зажигательная, зато падали фугасные бомбы поблизости.

Это было страшно, скажу честно, потому что все здание трясется. Бомбы здоровенные, видно, были, и они немало причинили ущерб.

Немцы прилетали очень аккуратно, по часам, к семи вечера — первая воздушная тревога была. И в один из таких дней нам пришлось сдавать государственный экзамен. У меня, помнится... Кто же у меня принимал? Ну, не так важно.

О Юрии Жданове

Н.Ф.: А я хотел вернуться назад. Вы ничего не рассказали про Юрия Жданова. Вы с ним хорошо были

знакомы?

И.В.: Как сказать хорошо знаком? Как со всеми студентами нашего курса был знаком. Он небольшого роста был, как и его отец, и я тоже небольшого роста, поэтому на занятиях по физкультуре мы с ним в хвосте оказывались рядышком. И оба были не очень успешными физкультурниками. Нам замечания делали. У нас на турнике упражнения не очень хорошо получались.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Но так он держался очень просто. На курсе он у нас, так сказать, получил популярность, потому что неплохо играл на фортепьяно, у нас два таких было: Саша Арбатский и Юра Жданов. Они не брезговали и фокстроты сыграть. И у нас во время перерывов...

Н.Ф.: Танцы начинались.

И.В.: ...вроде танцев устраивали, что-то такое. Они пришли к нам на курс (не на первый, а на второй): Жданов и Реутов. Они сначала учились в Менделеевском институте, но потом по каким-то соображениям решили, что лучше продолжить обучение в университете.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Соображения, наверное, были именно такие, что Юра-то Жданов жил в Кремле, до Менделеевского института добираться надо... А Реутов, тот в общежитии жил, он сам, по-моему, был из Макеевки родом. И честно говоря, что-то вроде как роль телохранителя, исполнял, общественное поручение такое, по-моему.

Н.Ф.: Ага.

И.В.: Я не могу ручаться, но похоже было, он всегда сопровождал Юру Жданова, во всех его делах.

Н.Ф.: А Жданов, он как? Его привозили в университет или он пешком приходил?

И.В.: Он пешком переходил через...

Н.Ф.: Через Манежную площадь.

И.В.:... Манежную площадь. Да. Нас-то в Кремль никого не пускали в те времена.

Н.Ф.: И он никого не приглашал к себе?

И.В.: И он никого к себе не приглашал.

Н.Ф.: А Аллилуевой тогда Светланы в его жизни еще не существовало?

И.В.: Этого я не знаю. Этого я не знаю. Это уже, собственно...

Н.Ф.: По-моему, уже после войны...

И.В.: После войны, конечно.

Н.Ф.: Они поженились после войны.

И.В.: Да. Мне кто-то из знакомых рассказывал, что он был свидетелем их знакомства. И вроде как ухаживаний Юры Жданова, который... В одном из альпинистских лагерей на Кавказе.

Н.Ф.: А, понятно.

И.В.: Сам Юра Жданов, он предпочитал отдыхать именно на Кавказе, в Тегенекли, что ли. У них была база, где он с удовольствием проводил время. Он приглашал туда некоторых студентов, в частности из нашей группы у него бывали.

Н.Ф.: Это база какая-то...

И.В.: Не университетская, по-моему.

Н.Ф.: А какая-то, связанная с Кремлем, или связанная с...

И.В.: Да.

Н.Ф.: Ага. Тегенекли. Интересно-интересно.

И.В.: Потом он, по-видимому, бывал и за границей. Вместе с отцом был в Карлсбаде, потому что когда я вернулся из плена, и он узнал, что я был в Карлсбаде, он ко мне обратился на чистом *gelände dialekt* [местном диалекте. — нем]. Там судетские немцы, они говорят на особом диалекте немецкого языка. И юра жданов его освоил. Он знал хорошо немецкий язык. Наверное, кроме школы, его хорошо учили каким-то другим способом.

Н.Ф.: Понятно. А он воевал, да? Или как, из истреботряда он? Не из истреботряда, а из вот этого...

И.В.: Из истребительного батальона? Нет.

Н.Ф.: Нет, не истребительного...

И.В.: Был ли он на рытье окопов, я не знаю.

Н.Ф.: Ну а потом?

И.В.: А потом, по-видимому, и он и Реутов... Ну, Реутов, он проходил обучение на специальных курсах химразведчиков при Академии химзащиты, но в конце войны, я знаю, что Жданов в Политуправлении [Главном политуправлении РККА. — Ред.] работал.

Н.Ф.: Ага.

И.В.: Когда я вернулся из плена, через некоторое время Люся Четверякова с нашего курса сказала мне: надо бы тебе встретиться со Ждановым и с Реутовым. Ну, что они бы хотели с тобой поговорить. Ну, чего же не съездить? Они тогда уже работали в университете. Они были ассистентами у Несмеянова... может быть, аспирантами даже. Впрочем, не уверен. Жданов, по-моему, был аспирантом не на химическом факультете, а на историческом. И у него была диссертация философская... Да, что-то такое...

Н.Ф.: Понятно. Ну, это уже послевоенная история.

И.В.: Это послевоенная история.

Экзамен в университете. Отправка в армию

Н.Ф.: Значит, мы остановились на том, что вы должны были сдать экзамен. И готовились к экзамену и одновременно занимались...

И.В.: Клавдия Васильевна Топчиева принимала у меня этот экзамен. Она была председателем, по-моему, этой комиссии. Она уже тогда была сотрудницей университета. Вы, может быть, помните, одно время она же была потом деканом химического факультета?

Н.Ф.: Фамилия знакомая мне, да.

И.В.: Клавдия Васильевна Топчиева. Ее брат, Александр Васильевич Топчиев, был директором Института нефтехимического синтеза Академии наук.

Н.Ф.: Да.

И.В.: А она в университете все время была. Да, она была деканом, по-моему. И председателем комиссии по распределению окончивших студентов. Потому что, подыскивая себе сотрудников, я ходил

на заседание этой комиссии, чтобы попытаться отстоять нашу заявку.

Н.Ф.: Это уже позже, после войны?

И.В.: Это уже после войны, конечно. Я уже в Институте физической химии работал и, помню, пытался двух мальчиков... Помню, пришел на заседание и спрашиваю: «Клавдия Васильевна, вы мне дадите двух мальчиков?» А это было трудно, потому что за мальчиками охотились представители других солидных организаций. Клавдия Васильевна сказала тогда: «Я вам дам девочку, она стоит двух мальчиков!» *(Смеется.)* Тоню Рябову тогда она нам подбросила, действительно очень энергичная девочка. Ну что ж, мальчиков мне не дали.

Н.Ф.: Да, так вот экзамен. Вы сдали экзамен?

И.В.: Сдал экзамен.

Н.Ф.: На пятерку?

И.В.: На пятерку, наверное. И после этого полагается идти на комиссию по распределению. Это уже конец июля 41-го года. На комиссии по распределению был такой Николай Васильевич Костин, замдекана химфака. Он сказал так: «Мы направим вас в распоряжение Томского облоно. Какие предметы, кроме химии, вы можете преподавать?» А незадолго до этого я встретился с профессором Кирюшкиным. Профессор Кирюшкин нам читал курс «Методика преподавания химии» в университете. Кирюшкин, хотя мы уже сдали ему экзамены давно, он увидел знакомого студента (меня), стал спрашивать: «Кто вы по специальности? Какую вы специальность выбрали?» Я сказал, что физическую химию выбрал. Он сказал: «О! Это очень хорошо, потому что, если вас пошлют куда-нибудь на село преподавать химию, там часов по химии не хватит по часовой оплате для того, чтобы, так сказать, обеспечить прожиточный минимум. Придется преподавать еще что-нибудь, и вы можете физику преподавать. Тогда у вас хватит часов, чтобы заработать себе на существование».

Н.Ф.: Да.

И.В.: Я вспомнил эту его реплику, и когда меня спросили: «Какой предмет вы можете преподавать, кроме химии?» — я сообразил сразу: физику я могу просто по определению, поскольку я по специальности физическая химия кончаю университет, так что это никуда не уйдет. И поэтому я сказал, что могу еще и математику преподавать. Решил, что уж тогда-то мне занятие найдется, и с голоду я в Томской области не помру, что было по обстоятельствам военного времени далеко не гарантировано.

Это был конец июля самый, а потом я получил повестку. Нет, две повестки сразу, из двух военкоматов. По-моему Сокольнический, по месту жительства (я на проспекте Мира жил). И Краснопресненский, это по университету. Ну, я, конечно, пошел в Краснопресненский. Это повестки по призыву в армию. Мы с Сашей Кузовковым решили: вместе пойдем проходить медицинскую комиссию, может, тогда вместе и служить пошлют. Мы проходили вместе один кабинет за другим врачей, на последнем кабинете председатель комиссии вдруг спрашивает: «А малярией вы не болели?» Ну, я-то не болел, а Александр Дмитриевич замялся. Говорит: «Да вот, в прошлом году у меня было что-то в этом духе». — «Ах, вот как!» — и послал его в другой еще в кабинет, чтобы сдал кровь на анализ... И мы с ним разошлись на последнем этапе. А я прошел без звука, и меня с пятого августа направили в учебный дивизион 139-го запасного зенитного артиллерийского полка, который помещался в городе Бронницы.

Простившись с родителями, я туда поехал. А родители в это время уже знали, что институт Геологии и геохимии, по-моему, или что-то в этом духе, — в общем, институт, где отец работал, эвакуируется в город Миасс, в Челябинскую область. Там Миасский минералогический заповедник был, который хорошо знал и изучал Ферсман в свое время. И он решил, что будет самое подходящее место, куда эвакуироваться. Отец меня попросил помочь ему заколачивать ящики с химическим оборудованием, они в Старомонетном переулке готовились к эвакуации, к погрузке.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: Поэтому я-то уехал в Бронницы, а родители через пару дней уехали в Миасс.

Н.Ф.: А сестра? Судьба сестры какая?

И.В.: Вместе с сестрой. Сестра в это время уже поступила, по-моему, в Энергетический институт. Она же была на три года моложе меня, и, по-моему, уже даже первый курс успела окончить. Наверное, поскольку я четыре курса кончил.

Н.Ф.: Но эвакуировалась вместе с родителями? Не осталась?

И.В.: Не сразу. Сначала она эвакуировалась вместе с институтом в Свердловск.

Н.Ф.: Ну, там недалеко, в общем. Относительно недалеко.

И.В.: Относительно недалеко. Но в Свердловске было голодно очень. Она там захворала и потом решила, что ей лучше к родителям прибиться. И так получилось, что Ферсман каким-то образом ей помог. Она из Свердловска переехала в Миасс и дальше уже жила в эвакуации в Миассе.

Н.Ф.: Челябинская область, насколько я понимаю?

И.В.: Челябинская область, да. Там тоже был какой-то батальон (строительный батальон, стройбат). И она устроилась там, по-моему, кассиром или что-то в этом духе.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: В этом стройбате. Это уж потом, после войны, я все узнал. Я только после войны уже увиделся с нею. Но она меня, в общем-то, и вернула домой в конце концов.

О гефангенском юморе в лагере для военнопленных

Н.Ф.: Каким же образом?

И.В.: Ну, это была замечательная история! После того, как нас чешские партизаны освободили, потом нас привезли в Советский Союз и направили в 1-ю Горьковскую запасную стрелковую дивизию. Эта дивизия была укомплектована бывшими военнопленными, которые проходили там спецпроверку соответствующими органами СМЕРШа. В этой дивизии (размещалась она в землянках), возле станции Опухлики, Великолукской области, у нас этот самый гефангенский юмор перекрестил Горьковскую запасную дивизию, дважды орденоносную в: 1-я Горькая (вместо Горьковская), дважды огражденная (колючей проволокой) дивизия, которая расположена возле станции Опухли, близ города Неели Великолукской области. *(Смеется.)* Вот так что-то пытались...

Н.Ф.: А какой это юмор? Как вы его называли?

И.В.: Гефангенский.

Н.Ф.: Гефанген?

И.В.: По-немецки военнопленный — это Kriegsgefangener, Gefangener...

Н.Ф.: Военнопленный?

И.В.: Ну, Gefangener — это значит захваченный, задержанный. Вот так примерно.

Мы проходили спецпроверку в этой Горьковской дивизии, нас вызывали... В отдельных землянках были работники СМЕРШа, это особый отдел, который во время войны назывался СМЕРШ — смерть шпионам.

Н.Ф.: Да.

И.В.: Ну, и там нас интервьюировали всех. После того как я...

И.В.: Это уже война закончилась?

Н.Ф.: Война уже закончилась. Это была осень 1945-го года. Нам обещали работники СМЕРШа, что вот вы пройдете проверку, и те, кто окажутся кристально чистыми, кто благополучно ее пройдет, их отпустят по домам или направят на новое место службы. Все начали тогда искать, кто бы мог оказать какую-то помощь. Вот дети генералов, они рассчитывали на своих родителей. Но, как правило, зря, потому что этим генералам давали отповедь работники СМЕРШа, дескать, не суйтесь не в свое дело, ваши заслуги — это не заслуги ваших детей, а ваших детей мы будем проверять по всей строгости закона. Если они ничего не совершили, не нарушили торжественных клятв, не изменили военной присяге, они получат освобождение и все права. А если нет — так сказать, за все надо платить. Генералы не помогали. Но посещение родственниками не возбранялось, переписка нам не была запрещена. Я переписывался с родителями, и первой, конечно, мать не утерпела, явилась совершенно неожиданно в нашу эту Горьковскую дивизию. Ее дальше проходной не пустили, но меня вызвали в проходную, и там я с ней поговорил. Там специальную комнату приемную для родителей устроили. Но потом ее все-таки надо было куда-то на ночь устроить, мне сказали, что вот нужно в соседней деревне поместить... там можно. Крестьяне там на чердаке разрешают приезжим родителям (не первая она приехала) переночевать. Я повел ее туда.

Н.Ф.: То есть вы были расконвоированы? Вам можно было выйти?

И.В.: Ну, в общем-то, нельзя было, но...

Н.Ф.: Выпустили.

И.В.: ...выпустили, да. Такой случай... Редко тогда к кому кто-то приезжал.

Н.Ф.: Ну да.

И.В.: Редкое событие, вся дивизия сразу узнавала. Искали, нет ли знакомых и так далее. Я, правда, не спросил... У нас был свой командир. Мы жили в землянке внутри, за колючей проволокой. Но я как-то даже упустил из виду, что мне нужно явиться на вечернюю поверку, во всех частях ритуал соблюдается — вечерняя поверка, построение: кто болен, кто здоров, чтобы убедиться, что все налицо.

” Но я пока устраивал мать на чердак, мать по простоте душевной сказала: «Ты останься со мной здесь ночевать, раз ты так можешь». Я, значит: куда деться? На чердаке сено было, устроились было ночевать.

Вдруг стук. Оказывается, тот (по-моему, он был, по-моему, в чине лейтенанта или старшего лейтенанта) командир, который командовал подразделением, в котором я оказался, пришел проверять, цел ли я. Вся дивизия уже знала и могла показать ему: я-то не явился на вечернюю поверку. Он чувствовал, что это неполадка, и убедился, что я с матерью расположился, махнул рукой: «Ладно».

Н.Ф.: Не ругался, ничего?

И.В.: Не ругался. «Только утром приходите, — сказал, — на поверку». Мать уехала, узнав, что вот мы... проверяют нас.

Н.Ф.: Писать это нельзя было в письмах, да? Что проверяют, что вы в фильтрационном лагере?

И.В.: Я не знаю, можно или нет, но...

Н.Ф.: Но вы не писали?

И.В.: Нет, почему? Писал, наверное. Но мать все-таки добилась свидания, по-моему, с начальником этого самого СМЕРШа, который сказал, вот мы проверяем, не хватает подтверждения в воинском звании. Сказал: если вы можете поспособствовать чем-то, мы не будем возражать. Мать уехала. А так получилось,

что один из ее учеников ее навестил. Он был военный, в офицерском звании. Он приехал в командировку в Москву, как раз в этот архив: нужно было какие-то документы из архива в Подольске, Главного военного архива [Министерства обороны СССР]. Нужно было какие-то документы для части ему подсобрать. Мать ему рассказала о своем визите в эти Опухлики, и он сказал: «Вы только мне напишите, что именно нужно». Она написала мои позывные, координаты. И он в архиве нашел все необходимые документы, подтверждающие мое звание, которых не хватало, чтобы завершить проверку. Он эти документы собрал, ее ученик, оформил по всем правилам и передал их нашей Ольге Станиславовне. И Ольга Станиславовна поручила мужу, моему отцу, папе, Николаю Ивановичу, который тоже хотел съездить меня проведать: сына все-таки всю войну не видел. Тогда кое-кто из его знакомых, из сотрудников Академии, уже побывал в Опухликах. В частности, приятель моего отца Боровик Станислав... Антонович, по-моему. Его сын Андрюша Боровик участвовал, помню, в этих танцклассах, которые были организованы Славяновым в свое время, правда, не очень успешно. Он не в нашей школе учился, но я как-то с ним поддерживал знакомство. Он потом в университете учился на физическом факультете, и я с ним встречался.

Так вот, Боровик тоже где-то в Опухликах оказался, тоже в плену был. Отец с этими документами съездил в Опухлики, повидался со мной, тоже переночевал где-то в деревне, хотя я уже не стал его сопровождать, он сам устроивался. Побеседовал с начальником СМЕРШа, тот принял от него документы, положил их в стол к себе и сказал: ну, надеюсь, все будет в порядке. И отец уехал домой.

Ну и через некоторое время приезжает последний резерв, Ирина Николаевна, моя сестрица. Девчонка все-таки, ей тогда было двадцать два года, в 1945 году. Она уже вернулась из эвакуации, восстановилась в Энергетическом институте и успешно заканчивала свое образование. Когда она приехала, ей удалось проникнуть за колючую проволоку, и она со мной прогуливалась там. Я подумал грешным делом: «Ну вот, на мою голову приехала, теперь устраивать ее куда-то надо». Но она сама устроилась. Среди военнопленных были и женщины, между прочим. И из них было сформировано в Опухликах отдельное подразделение, у них была одна землянка. И наша Ирина Николаевна пристроилась прямо к ним, в эту землянку. Ну и узнала у них про все местные порядки, про все новости, потом отправилась к начальнику СМЕРШа. Тот поинтересовался: «Зачем вы сюда явились?» — «А я, — говорит, — приехала забирать отсюда своего брата». Тот удивился: «А кто такой ваш брат?» Она назвала: «Влодавец Игорь Николаевич».

Тот посмотрел какие-то свои записки, сказал: «Да, у него все в порядке, ему только не хватает подтверждения воинского звания». Тут наша Ирина Николаевна говорит: «А оно лежит у вас в правом верхнем ящике вашего письменного стола». Представляете, начальнику СМЕРШа дивизии!

Н.Ф.: Указывать.

И.В.: Приехала девчонка и вдруг говорит: лежит в верхнем правом ящике вашего письменного стола! Он обалдел! Открывает правый ящик своего письменного стола и видит: действительно, сверху лежит папка «Документы на Влодавца Игоря Николаевича», и там все нужные подтверждения воинского звания со всеми подписями, печатями и направлениями и так далее, полностью оформлены. У него уже профессиональный интерес: «Откуда же вы узнали, что находится в письменном столе у начальника особого отдела дивизии? Как это вам удалось?» *(Смеется.)* А Ирина Николаевна отвечает: «А я слышала, как мама ругает папу за то, что он не довел дело до конца, и, располагая уже этими документами, не дождался, когда отпустят Игоря Николаевича восвояси. И папа оправдывался и сказал: при мне начальник СМЕРШа положил эти документы в правый верхний ящик письменного стола. Все очень просто».

Н.Ф.: Они до сих пор у него там лежали?

И.В.: Они у него до сих пор лежали, но времени не так много прошло, неделя, две, может быть... Ну,

представляете, дивизия укомплектованная, там несколько десятков тысяч человек, наверное, было.

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Наверное, рядовые проходили еще какие-то проверки, а то бывало так... Мы пешком двигались, пешим маршем, от Праги по направлению к чешской границе. Так получилось, что мы из Праги двигались пешком. Выходили командиры частей расквартированных вблизи от этого шоссе, останавливали нашу колонну и спрашивали: «А есть у вас трактористы? Нам нужны трактористы, не укомплектован штат. Мы без всяких особых формальностей зачислим вас в наш полк, и сразу восстановитесь во всех своих гражданских правах». И забирали трактористов, шоферов.

Н.Ф.: Угу.

И.В.: Военные специальности тоже соответствующие были. Ну вот, и этому начальнику СМЕРШа ничего не оставалось делать, как... (*Смеется.*)

Н.Ф.: Отдать вас.

И.В.: Все документы он тут же оформил, и слух об этом событии, конечно, по всей дивизии немедленно разнесся. Оказывается, надо было вот младшим сестрам писать письма, которые все мгновенно улаживали. (*Смеется.*) Не знаю, как было дальше, но меня действительно отпустили, и Ирина Николаевна торжественно привезла меня домой.

Служба в армии

Н.Ф.: Да, так вот, про вашу военную эпопею. Мы остановились в изложении военной эпопеи на каком моменте?

И.В.: Меня призвали.

Н.Ф.: Да, вы хотели отправиться в Томскую область, а вас призвали, и вы пошли вместе с вашим другом проходить медосмотр.

И.В.: Да. Но на медосмотре нас разделили.

Н.Ф.: Разделили.

И.В.: И меня отправили в Бронницы, в зенитно-артиллерийский полк.

Н.Ф.: Да.

И.В.: А его направили... На следующий день он принес документы, все в порядке оказалось, и направили на курсы химразведчиков при Академии химзащиты.

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: Он окончил курсы химразведчиков, его направили, как комсостав, но без звания, на Волховский фронт. И он там прослужил.

Н.Ф.: Подождите, Волховский фронт — это не 2-я ударная армия?

И.В.: Может быть и она.

Н.Ф.: Это же очень тяжелая... Тяжелые очень бои, окружение, полуокружение.

И.В.: Да. Но это был все-таки уже... Нет, это еще...

Н.Ф.: Позже?

И.В.: ...был 1941 год. Ну, так или иначе...

Н.Ф.: Он там оказался.

И.В.: ...он там оказался. Так как он умел водить автомашину, его назначили начальником отделения химразведки при штабе армии. И он был начальником автохимлаборатории. Нам показывали эту лабораторию, когда я сам обучался на...

Н.Ф.: В университете?

И.В.: Не в университете, а в Академии химзащиты.

Н.Ф.: А, это позже.

И.В.: Когда я сначала попал в этот самый...

Н.Ф.: Да, в Бронницы.

И.В.:... Запасный артиллерийский полк, и там обучался специальности дальномерщика, был в отделении дальномерщиков. Там приборы управления зенитным огнем — ПУАЗО (прибор управления артиллерийским зенитным огнем), довольно сложная установка. Туда должны поступать разные данные, из которых проводятся расчеты автоматизированные, и выдаются данные расчета собственно орудия зенитного, который должен стрелять и должен поразить цель или выполнить другое задание. Причем дальномерщик тут главную роль играет, потому что нужно определить точно дистанцию до самолета. Ну, самолетов, так сказать, поблизости тогда не было. Днем проходили занятия, каждый день упражнялись, там был с Бронниц отличный вид на долину Москвы-реки, в обе стороны, и километрах в пяти церквушки какие-то располагались, ниже по течению или выше по течению, уж сейчас не соображу. И мы упражнялись: измеряли расстояние до этих церквушек.

Н.Ф.: И стреляли в них?

И.В.: Нет, не стреляли.

Н.Ф.: Не стреляли, только измеряли.

И.В.: Не стреляли. Отделение дальномерщиков само занимается. Иногда нам другие какие-то задачи давали вместо этого. Отдельное здание где-то стоит в поле, допустим, расстояние до этого здания. По ночам, когда бывали воздушные тревоги, мы тоже упражнялись.

” Прожекторами освещали самолеты, и мы пытались определить расстояние до них. Но это гораздо труднее, потому что все время меняется расстояние, трудно было.

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: Но уже ближе к реальности. Стрельбы все-таки не было. Или, может быть, была. Может быть, была... Аркадий Карякин тоже попал со мной вместе в этот зенитно-артиллерийский полк, но он был в огневом взводе. Огневой взвод — это, в основном...

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: ...снаряды нужно подтаскивать к орудию...

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: ...закладывать их куда надо, закрывать замком. В общем, готовить к выстрелу.

Пробыли мы август и, наверное, начало сентября в этом Запасном зенитно-артиллерийском полку. Кроме Аркадия Карякина, который тоже кончил, считай, университет, тоже не попал в ОМСБОН

и истребительный батальон, был еще такой Толя Мельников, но он кончил только три курса. Еще были студенты. В частности, несколько студентов, помнится, с биофака. Сейчас я уж позабыл, как их звали. В нашем дальномерном отделении вместе со мной были. Замполитом в нашей батарее этого Запасного зенитно-артиллерийского полка был председатель местного Бронницкого колхоза. Его мобилизовали тут же, в Бронницком районе. И чтоб далеко не посылать, он остался служить в Бронницком полку. Он с нами проводил политзанятия.

Ну, студенты, окончившие Московский университет, в политике, наверное, разбирались не хуже, чем председатель колхоза. Мы как раз сдавали не так давно экзамен по краткому курсу ВКП. Нам профессор Петросян читала курсы лекций на эту тему. Ну и вообще в политике все-таки... Мы, конечно, присматривались — надо было. Я давно понимал, что это только кажется, что политика — не наше дело. На самом деле она может в любой момент коснуться каждого из нас, и очень серьезно. Но к занятиям, к лекциям председателя колхоза мы относились с некоторым беззлобным, но все-таки юмором и не очень серьезно. Он это ощущал, конечно. Но ничего не поделаешь, такая миссия ему выпала. Должен проводить занятия, обучать выпускников Московского университета. Один только вот Толя Мельников ел глазами этого нашего политрука. Всячески помогал ему, носил ему какие-то карты (нужно было носить), портфель помогал носить, когда он кончал занятия. В общем, подружился, так сказать, с ним. И в это самое время вышло распоряжение по войскам, чтоб ввести должности замполитов. Кроме заместителя начальника по политчасти, у них должны быть еще помощники в чине старшины. И желательно, чтобы это были подготовленные люди, которые могли бы заменить политрука. И наш политрук выбрал себе в заместители этого Толю Мельникова. Ему присвоили звание старшины, четыре треугольника, а у нас пока ничего. Мы считаемся командный состав, но без звания. Толя Мельников занялся выпуском боевого листка — кажется, так это называлось. Типа стенгазеты, но военной. Его вывешивали: кто отличился в боевой и политической подготовке, у кого боевая и политическая подготовка хромает, кто двоечник, — критикой занималась. Вот в этом боевом листке все отмечалось.

Толе Мельникову хотелось похвастать перед девочками. Начался сентябрь, начался учебный год, он решил проведать свой курс в Москве и выхлопотал у политрука командировку под предлогом, дескать, мы боевой листок выпускаем очень кустарно, бумага неважная, краски отвратительные: «А я знаю у нас на химфаке, в редакции стенгазеты отличный ватман можно получить, и отличные краски есть. Дайте мне командировку, я съезжу в университет и оттуда привезу». Он съездил в Университет, покрасовался перед девочками со своего курса, которые уже вернулись из колхоза и приступили к занятиям. Они поглядели на него: «Ах, Толя, как тебе идет военная форма! Как, ты уже сделался начальником! У тебя эти самые четыре треугольника!» А ребят с его курса всех мобилизовали и зачислили слушателями в Военную академию химзащиты. И Толя понял, что малость сплеховал: ребята с его курса будут учиться в Академии химзащиты. После окончания академии небось получают уже не просто «кубики», а «шпалы» — выпускают там в чине капитана или майора. По крайней мере, военный инженер первого ранга, второго ранга и так далее. Он решил, не теряя времени, прояснить этот вопрос. Поехал в академию на Бауманскую улицу, представился, может быть, не начальнику, а, тоже по политчасти...

Н.Ф.: Наверное.

И.В.: ...комиссару академии. По-моему, это был батальонный комиссар Гранат. Он ему представился, сказал, мол, группа студентов и окончивших Московский университет химиков занимаются не своим делом, обучаются зенитной артиллерией [управлять] в Бронницком запасном зенитно-артиллерийском полку. А в это время вышел приказ по войскам всех химиков направить на переподготовку в Академию химзащиты, в распоряжение начальника Академии химзащиты. Он пускай там разбирается с ними, в их квалификации. И их могли использовать по своему усмотрению. Потому что — откуда взять полноценных слушателей военных академий, когда война идет, всех уже мобилизовали, кого могли? А кого не могли, так куда они годятся? Ну, и комиссар он дал выписку из этого приказа по войскам, и с этой выпиской Толя Мельников приехал.

Ватман он тоже привез, и краски привез. Но выпускать боевой листок не стал. Всех бывших студентов химфака, и меня в том числе, и Аркадия Карякина, — всех — направили в распоряжение начальника

Академии химзащиты, генерала-лейтенанта Головягина. Мы приехали в Москву. В Академии химзащиты нам пришлось заполнить анкеты для начала, а потом отпустили нас ночевать по домам. Мне известно было, что ключи от квартиры находятся в семье Баярунаса, в двадцать шестой квартире, которая над нами.

Н.Ф.: То есть он...

И.В.: Того, который был арестован...

Н.Ф.: Его уже отпустили к этому моменту?

И.В.: Нет, его не отпустили.

Н.Ф.: Но семью не выслали?

И.В.: Но семью не выслали, его сестры, Эвелина Викентьевна и Калерия Викентьевна, остались жить в этой квартире. Ключи у них были, они мне их дали, я переночевал у себя дома, в пустой квартире, потому что родители и сестра в это время уже были в Миассе. Ну, я долго не задерживался, скоро нас... А в анкете был такой вопрос: есть ли у вас родственники за границей? А у меня была дурная привычка: на такие щекотливые вопросы, задаваемые в те времена довольно часто (интервьюировали по разным поводам), отвечать больше, чем требовалось. Мне бы, дураку, просто написать, что родственников за границей нет, что было не совсем правдой или совсем неправдой, потому что у всех у нас, конечно, родственники за границей есть. У всех. Это легко посчитать. Я прикинул, что все люди — родственники.

Н.Ф.: Ну конечно, да.

И.В.: Вот. Я всегда подсчитывал: у каждого из нас двое родителей, четверо бабушек и дедушек, восемь прабабушек и прадедушек и так далее. Легко сосчитать, если мы спустимся на сто лет тому назад, их будет примерно тридцать человек. Нет, не тридцать. Ну, около того.

Н.Ф.: Ну да, около.

И.В.: Если спуститься не на сто, а на тысячу лет назад, их будет уже миллион. А если больше тысячи?

Н.Ф.: То еще быстрее растет число.

И.В.: Нет, тысяча лет уже даже... Триста лет — будет миллион, а тысяча лет — будет миллиард... Если уже взять две тысячи лет, во времена Иисуса Христа, все наши предки, все люди, которые жили...

Н.Ф.: Да.

И.В.: ...они должны быть нашими предками. Поэтому генеалогия, она, с моей точки зрения, никакого смысла не имеет. Каждый может найти какую-то степень родства и с Александром Македонским, и с Юлием Цезарем, и с кем угодно. И с самим Иисусом Христом, хотя...

Н.Ф.: Если у него были дети.

И.В.: Если у него были дети. Ну, этот вопрос, так сказать, до сих пор...

Н.Ф.: Спорный, да.

И.В.: ...спорный еще. Ну вот.

Н.Ф.: Вы написали, что есть?

И.В.: Нет. Я написал, что мой отец имеет за границей, в Германии, знакомого друга, с которым он имел переписку. А он действительно учился вместе с этим Женкой Рыжкевичем в Седлецкой гимназии. Это Царство Польское, теперь уже за граница. Но Рыжкевич, он придерживался левых убеждений и не стал учиться в российских институтах или университетах, а уехал учиться в Германию, в пресловутый Марбург, по-моему. И учился там. Во время Мировой войны...

Н.Ф.: Ну, это же не родственник?

И.В.: Он не родственник. Но я, как правоверный комсомолец, считал, что нужно о всяких таких... Вопрос был: есть ли у вас связи с заграницей?

Н.Ф.: Связи? Не родственники, а связи?

И.В.: Да.

Н.Ф.: Ага, связи.

И.В.: Вопрос формулировался насчет родственников, конечно. Но по существу: есть ли какие-то связи за границей?

Н.Ф.: Угу.

И.В.: Написать бы, никаких связей с заграницей не было, как все и пишут. А я написал, что мой отец имел переписку со своим школьным товарищем Евгением Рыжкевичем, который был во время войны интернирован в Германии и остался там работать. Он занимался, кстати, химией графита.

Н.Ф.: Угу.

И.В.: И когда мой отец писал статью «Графит» для сборника «Нерудные ископаемые», его этот Рыжкевич снабжал очень ценными материалами, в частности, он свою монографию под названием «Графит» прислал ему и статьи в журналах. Так что, я считал наивно, что я этим...

Н.Ф.: Да.

И.В.: ...очищаю свою совесть от всяких, так сказать, придинок...

Н.Ф.: Да, честно.

И.В.: Честно сообщил, что вот такие были вещи... Но из-за этого пункта в анкете меня на некоторое время задержали в Москве. Всех, кто со мной вместе из зенитного полка приехал поступать, быстренько зачислили, и быстро они куда-то делись, а я по-прежнему тут болтаюсь. Поселили меня в каком-то общежитии... Опять же в ясли я попал на Бауманской улице, там я познакомился с Григорием Григорьевичем Девятыми, впоследствии академиком, между прочим. Он носил военную форму, он уже успел побывать на фронте во время финской кампании. Ну, тогда он был рядовым. Но так как он кончил Горьковский университет, химический факультет, его направили тоже в Военную академию химзащиты.

Ну и вот мы с ним оба числились фронтовиками, хотя я не был фронтовик, но моя гимнастерка уже достаточно замызганная была, я все-таки носил военную форму, прибыв из этого Запасного зенитного полка, тогда как большинство-то были просто еще в гражданской одежде, выпускники разных вузов: Менделеевского института, Института тонкой технологии. Вот все они... нас разместили кое-как... <... >

Обучение в Академии химзащиты. Эвакуация в Самарканд

И.В.: Мимо Флорищевой пустыни протекает речка Лух, наверное, приток Оки или что-то в этом духе.

Н.Ф.: На «х» кончается?

И.В.: На «х», да. Лух. И вот в пойме этого Луха мы рубили лес. Его использовали при строительстве землянок (там нужно срубы делать всякие), на территории все той же пустыни. Устроили нам, новичкам, демонстрацию химической военной техники. Это довольно интересно было, показывали химические танки, химические мины, огнеметы и так далее. В общем, задача была, по-видимому, показать, что это серьезный род войск — химические войска, с которыми нам придется иметь дело. Ознакомительный курс. Ну, а потом уже знакомили ближе, были курсы БХВ, ПХЗ, МЧХО. Наверное, знаете расшифровку?

Н.Ф.: Нет-нет.

И.В.: Боевые химические вещества, противохимическая защита, материальная часть химического оружия — МЧХО. Проводили занятия: частично занятия по группам в землянках, частично лекции читали общего характера в помещении монастыря. Ну, и всякие работы были хозяйственные. Однажды мне и еще одному тоже новичку и тоже комсомольцу поручили уборку сада возле Флорищевой пустыни. Это был октябрь 41-го года... Листья нужно было сгребать в кучу, закапывать, дорожки расчищать. И я с этим комсомольцем, он тоже в военной форме был, стал разговаривать, и меня почему-то насторожило и удивило, что он вдруг начал страшно ругать военных комиссаров.

Он мне стал говорить, что ни в одной армии мира нету никаких комиссаров, а в нашей армии есть. Что они заменяют командиров и вместо них дают дурацкие приказы, и мы обязаны тоже их выполнять, и от них все наши беды. Наша армия несет страшные поражения, и все из-за этого института комиссаров. Я знаком с институтом комиссаров был только по фильму «Чапаев» и по одноименной повести Фурманова. И никаких особых предубеждений о какой-то отрицательной роли комиссаров у меня не было. Я страшно удивился.

” Я слушал с удивлением этого парня. И удивлялся: «А че он так храбро со мной разговаривает? Его бы, наверное, надо посадить за такие рассуждения». И много позже подумал, что, скорее всего, это умышленная была провокация.

Я забыл, как его зовут, и не помнил тогда, но знал, что он по комсомольской линии считался активистом большим. И с самими комиссарами он был отнюдь не в плохих отношениях. А почему он мне это все говорил? Возможно, что написал в конце концов, что я вроде как согласился с его точкой зрения и тоже отрицательно отношусь к комиссарам. Хотя я такого не мог сказать, я просто вообще ничего не говорил. Меня удивляли такие отчаянные антикомиссарские речи. Но я думаю, что это было такого характера...

Н.Ф.: Проверяли?

И.В.: Проверяли.

Н.Ф.: Но последствий не было никаких?

И.В.: Были своеобразные, скажу немножко дальше.

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Пробыли мы недолгое время во Флорищевой пустыни. Однажды пригнали поезд, товарный эшелон, в товарные вагоны нас всех погрузили и повезли. Мы сначала думали, что на фронт: немцы уже близко от Москвы, а мы тоже недалеко. Ночью мы переезжали через какую-то большую реку, я догадался по стуку колес, что это могла быть, судя по ширине, только Волга. Нас повезли на восток. Через некоторое время мы проезжали через Свердловск, потом в направлении Челябинска поехали, поехали на юг.

” В дороге, помню, неприятные впечатления: на полустанках встречали целые эшелоны, составленные из вагонов Московского метро. Тогда метро только в Москве было. И целиком состав метро, оказывается, уже пригнали за Урал.

Н.Ф.: Да.

И.В.: В порядке эвакуации. Обычно часть окон в этих вагонах была заменена листами фанеры, и через

листы фанеры трубы железные проведены буржук... Кто-то эвакуировался, видимо, с этими самыми эшелонами метро, и там нужно было греться и готовить себе еду на этих буржуйках. Проезжали мы и через Челябинск. Я вспоминал, что мои родители где-то близко, какие-то письма им из Челябинска бросал. Потом доехали до Аральского моря. Ехали через казахстанские пустынные степи... Когда эшелон останавливался возле светофоров, нас выпускали, и мы занимались строевой подготовкой, отработкой строевого шага: готовились к празднику Октябрьской революции. Отпраздновали годовщину Октябрьской революции. Это какая же годовщина была в 1941 году? Тридцать четвертая, нет?

Н.Ф.: Двадцать четвертая.

И.В.: Да, пожалуй правда, двадцать четвертая. Отпраздновали эту годовщину на станции Туркестан. По всем правилам искусства: были трибуны сооружены, несколько десятков генералов набралось на этих трибунах.

Н.Ф.: Это ж в эшелоне было несколько десятков генералов?

И.В.: Очевидно не только наш эшелон, какие-то еще были. Какое-то, по-моему, авиационное училище там было в это время.

Н.Ф.: Понятно.

И.В.: И танковое училище.

Н.Ф.: Угу.

И.В.: И был парад на полном серьезе, мы маршировали, не только Академия химзащиты, еще какие-то высшие военные курсы или академии участвовали. И были танки на параде, и была авиация даже, летала над нами. На полном серьезе был военный парад на станции Туркестан 7 ноября.

Н.Ф.: Да.

И.В.: И в тот же день, погрузившись снова в эшелон, или, может быть, на следующий день, мы прибыли сначала в Ташкент. И в Ташкенте нас встретила Нина Маркина — студентка бывшая моей группы, которая объяснила, что она и несколько еще студентов из нашей группы после окончания (официального окончания) университета поступили работать в Академию химзащиты. И она с кафедры АД, так называлась кафедра, прозрачная расшифровка — адсорбция. Эту кафедру возглавлял будущий академик Дубинин.

Н.Ф.: Химик?

И.В.: Химик, да. Он впоследствии был и академиком-секретарем одно время, уже будучи генералом.

Нина Маркина, девочка из нашей же группы, объяснила нам, что мы-то поедem в Самарканд и что Академия будет дислоцироваться в Самарканде. А они задержались на некоторое время в Ташкенте, но потом переедут тоже в Самарканд. Ну и действительно, мы поехали дальше, доехали до Самарканда, высадились. Разместились в помещении бывшей гарнизонной церкви, которая... Кто там завоевывал Самарканд из наших генералов, я уж позабыл... В церкви этой устроили многоэтажные нары — четырехэтажные, по-моему. Я попал на четвертый этаж, рядом со мной оказался аспирант профессора Ребиндера Вадим Макиевский. Он мне объяснил, что только что закончил аспирантуру, и сразу же мобилизовали его в Академию химзащиты. Он мне рассказывал о своей диссертации, он успел защитить диссертацию кандидатскую, рассказывал о работе у Ребиндера, и меня действительно очень заинтересовало и польстило: я вчерашний студент, а рядом со мной уже настоящий кандидат наук. Мы с ним в одинаковой форме слушателей Академии химзащиты, пилотки такие с красными кантиками были, из материала лучшего, конечно, чем была у меня гимнастерка. Она была засаленная, ее пришлось потом сдать. А нам дали хорошие суконные гимнастерки слушательские. Ну вот, вот соседом у меня был кандидат химических наук Вадим Борисович Макиевский. Я потом его диссертацию тщательно изучал, уже когда работал.

Н.Ф.: Он остался жив после войны?

И.В.: Нет. Он был убит. Его мать приходила в наш институт, кажется, по случаю Дня Победы или еще что-то в этом духе... Меня представляли ей, поскольку я был знаком с ним.

Н.Ф.: А у него были дети? Потому что я знаю Вадима Макиевского, биолога. Я забыл, как звали его отца, его отец был гидробиологом. Просто среди моих знакомых есть Вадим Макиевский.

И.В.: А, понятно, да.

Н.Ф.: Может быть, это внук.

И.В.: Не знаю. Более подробно, конечно, я не смог...

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Просто я отмечаю как факт, что вот так, пожалуй, впервые, познакомился более серьезно с трудами Петра Александровича Ребиндера.

Н.Ф.: Он вам рассказывал?

И.В.: Он мне рассказывал о своей работе с Ребиндером, хвалил, конечно, ему самому очень нравилось, и нравился Ребиндер как научный руководитель. Он был аспирантом в Коллоидно-электрохимическом институте, который впоследствии был переименован в Институт физической химии.

Мать его рассказывала, что он воевал, кажется, на Воронежском фронте. Попал на фронт в конце концов, после окончания академии, как и я, он кончил фактически только курсы, где нас обучали чисто военным предметам (химии нас уже можно было не учить), поэтому такой фокус проделали. В общем, на фронте он был, кажется, уже командиром взвода в звании лейтенанта, и нужно было поднять взвод в атаку. Он скомандовал: «В атаку! За мой!» — но тут его немецкий снайпер застрелил. И мать, конечно, по-своему судила. Знаете, он погиб за несколько дней буквально до того как вышел приказ об откомандировании всех военных с учеными степенями из состава Красной Армии. Их направляли, конечно, делать атомную бомбу химическую, грубо говоря. *(Смеется.)*

Н.Ф.: То есть химиков, физиков, наверное?

И.В.: Химиков, физиков, да. Отзывали из армии.

Н.Ф.: Да, понятно.

И.В.: Буквально несколько дней до этого приказа не дожил.

Н.Ф.: Да.

И.В.: Не знаю, кому повезло больше. Но меня... В Самарканде мы провели четыре месяца. В феврале отметили годовщину создания Красной Армии: 23 февраля у нас торжественный выпуск академии был, нас получше накормили, присвоили звания. Мне присвоили звание лейтенанта. Макиевскому, может быть, даже старшего лейтенанта, точно не помню. Ну, и в начале марта направили в части.

И я поехал в неизвестном направлении. Группой командовал военный инженер 3-го ранга Хейфиц, который вместе с нами учился, он был призван из запаса — уже имел воинское звание. И мы поехали через Ашхабад, куда, кстати, Московский университет был эвакуирован.

Мне потом рассказывала моя бывшая домашняя барышня Лена Шубникова, которая училась на биологическом факультете, как они там ловили черепах в туркменских степях и варили из них черепаховый суп, таким образом поддерживали свое брренное существование, поскольку тоже голодно было и в Туркмении в те времена.

Мы мимо Ашхабада проехали, высадились в Красноводске, там нас перегрузили на теплоход, мы переправились через Каспийское море, побывали в Баку. В Баку день пробыли. Я сходил в кино, тогда в бакинском кино показывали фильм: «Разгром немецких войск под Москвой». Это был очень интересный для нас фильм.

Н.Ф.: Ну, еще бы!

И.В.: Это был март месяц уже 1942 года.